

Девушка
без
недостатков

Наталия ЛЕВИТИНА

Любовница отменяется,
или Тренчокот

Наталия Станиславовна Левитина

Тренчкот, или

Любовница отменяется

**Серия «Журналистка Юлия
Бронникова», книга 2**

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2442485
Наталия Левитина. Любовница отменяется, или Тренчкот: АСТ,
Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-069366-5, 978-5-271-29959-9, 978-5-17-069362-7,
978-5-271-29958-2

Аннотация

Журналистка Юлия Бронникова купила на грандиозной распродаже в помпезном магазине, но все равно по баснословной цене сиреневый плащ-тренчкот, на ценнике которого с трудом умещались нули. Но что не сделаешь, чтобы понравиться любимому?

Правда, если бы только Юлия знала, какое влияние окажет плащ на ее жизнь и какие страшные и загадочные истории будут с ней происходить, она бы сто раз подумала, прежде чем решиться на покупку шедевра английских кутюрье!..

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	40
Глава 5	50
Глава 6	69
Глава 7	89
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Наталия Левитина

Любовница отменяется, или Тренчкот

Теперь, узнав подробности, я могу представить его последний день. Этот день был наполнен красками, звуками и ощущениями, он мог бы впитывать их, но, как обычно, оставлял за границами сознания, поглощенный рутиной повседневных дел.

Ведь мы ничего не замечаем – торопясь жить и действовать, оставляем за бортом то, что и является жизнью. И он бы смотрел, прислушивался и наслаждался – но при одном условии... Если бы знал: этот день – финальная вспышка на границе с вечной темнотой.

Пьянящий аромат кофе, кремовая пенка, ограниченная белоснежными краями фарфоровой чашки, жесткий воротник рубашки, ощущение свежести, шелковый узел галстука – плотный и гладкий, отполированная его пальцами кожаная ручка портфеля... Мотор машины урчит равномерно и низко, спускаясь в глубины контроктавы, а за окном автомобиля сияет лазурью сентябрьское небо. День великолепен, солнечные лучи пронизывают золотые и медно-красные кроны деревьев, все оттенки желтого и оранжевого цветов – от лимонного до терракотового – присутствуют в палитре осени...

А на стройке иная, но не менее живописная зарисовка. Настоящее буйство звуков, металлический лязг и скрежет работающей техники, утробные вздохи земли, переворачиваемой ковшом экскаватора. Красный кирпич, серый бетон, грязно-синие спецовки строителей...

Но самой яркой была последняя картинка – девушка в сиреновом плаще и черных очках, с темными волосами, подстриженными в безупречное каре. Она осталась стоять на краю котлована, куда, нелепо взмахнув руками, он полетел. И все три секунды свободного падения – прежде чем штырь, высунувшийся из бетонной плиты, с тихим хрустом вошел в его череп, разрывая кожу, сосуды и, как в масло, погружаясь в мозг, – перед его глазами стоял этот ослепительно-яркий сиреневый тренч...

А потом все исчезло.

Глава 1

Все девочки любят это

Тренчкот от Блюберри я купила на грандиозной распродаже в «Шифоньере».

Помпезный пятиэтажный магазин в центре города, наспигованный бутиками знаменитых марок, никогда не попадал в список мест, обязательных для посещения Юлией Бронниковой¹. С моей скудной покупательной способностью мне нечего там делать. Но вот зашла в самом конце августа, соблазнившись транспарантами в витринах:

ТОТАЛЬНАЯ РАСПРОДАЖА! 30 %! 50 %! 70 %!

«Знаем мы ваши распродажи! Кругом обман!» – усмехнулась я, но сердце не разделяло скептицизм мозга, оно влекло меня в оазис роскоши, место обитания изысканных, недоступных вещей...

Магазин пропитан божественными ароматами: на первом этаже располагается огромный парфюмерный отдел, на последнем – кофейня. Продвигаясь вверх, из царства жасмина и лилии попадаешь в зону влияния арабики и клубничного ройбуша. А перед глазами – подсвеченные миллион огоньков полки с кашемировыми свитерами, манекены,

¹ О приключениях журналистки Юлии Бронниковой читайте в книге «Грешница».

разодетые в пух и прах, сверкающие стеклянные перегородки...

На ценнике сиреневого тренчкота с трудом уместались нули, подчеркивающие его принадлежность к касте избранных. Естественно, он стоил невероятно дорого – тренч от Блюберри, классика жанра. Погоны, асимметричная кокетка, крупные пуговицы. Ортодоксальная правильность кроя искупалась ярким цветом. Плащ безоговорочно меня пленил. Но даже с пятидесятипроцентной скидкой цена казалась заоблачной. И все равно, назло вечному безденежью, я выгребла остатки с карточки и купила его!

Да, я сделала это!

И даже не представляла, какие проблемы навлекла на себя. Позже шедевр английских кутюрье пришлось использовать для маскировки. Хотя, примеряя тренчкот в магазине, я вовсе не думала о лаврах агента 007. Просто мечтала произвести впечатление на Никиту!

Да, с тех пор, как у меня появился Никита, приходится более вдумчиво относиться к собственному внешнему виду. Это довольно странно! Ведь раньше джинсы и водолазка представлялись мне оптимальной экипировкой девицы, поглощенной ожиданием Прекрасного принца. Как-то и в голову не приходило, что Прекрасный принц на белом коне может прогарцевать мимо меня в сторону барышни, облаченной в более изысканный наряд. Я жила, носила джинсы – и считала себя очень привлекательной.

А теперь, когда рядом любимый, я нервно оглядываюсь по сторонам, сравниваю, анализирую... Проклятье! Как выясняется, вокруг бездна девиц гораздо более молодых и симпатичных! Они великолепно одеты, их мордочки отшлифованы пилингом (или ничем не отшлифованы, а просто чрезвычайно юны), их бюсты, проплывая мимо моих пупырышков, источают презрение – так белоснежный пятипалубный лайнер оставляет далеко позади утлый баркас.

Но разве я не права? Разве зря дергаюсь по этому поводу? Надо ли мне беспокоиться и страдать от ревности к потенциальным конкуренткам, если милый живет в моей квартире, каждый день с аппетитом съедает ужин и ловко расшатывает кровать?

К несчастью, да...

Кофейня «Бисквит», чудесное осеннее утро.

Итак, я истратила последние сбережения на покупку тренчкота и еще не подозревала, какое влияние он окажет на мою жизнь. А между тем Ирина – любимая подруга (я больше не отвечаю на ее звонки!) – раскрыв «Vogue», потрясла им прямо перед моим носом.

– Ты посмотри, какое чудо! – сказала она.

Топ-модель на картинке вышагивала по подиуму в сиреневом плаще, обладательницей которого я и являлась в данный момент.

– Тренчкот от Блюберри! – восторгалась Ирина. – Потрясающий цвет! Они и у нас продавались. В «Шифоньере». Я

не купила и теперь жалею!

Мы сидели в кофейне «Бисквит» и пока не знали, что это наша последняя встреча. Солнце играло в огромных окнах, лучи проникали внутрь и падали на лицо Ирины, золотили кончики длинных ресниц, окутывали волшебной дымкой ее прекрасные волосы. Официант спросил, не опустить ли жалюзи. Ира отрицательно покачала головой. Сейчас она боролась с желанием заказать второй кусок пирога с беконом, а я – с желанием курить. (Пора вычеркивать «Бисквит» из каталога любимых заведений – они категорически против никотина! Какое свинство!)

– А почему ты его не купила? – поинтересовалась я, оттягивая удовольствие.

Удовольствием в данный момент являлась возможность огорошить Ирину сообщением о покупке тренчкота. Он у нас в кармане! И подруга, конечно же, в любой момент может взять его – мы всегда делились вещами. Сколько раз я отправлялась на вечеринку в ночной клуб в ее леопардовом платье. Шансы остаться непомолвленной или неизнасилованной в Ирином платье минимальны, и всякий раз мне это удавалось только благодаря выдающимся нравственным качествам.

– Да ты знаешь... Я подумала – это же старая коллекция, а вот-вот поступит новая. Какой смысл тратить на старье? Но теперь жалею...

Старье?!!

Мой изысканный, мой единственный тренч – старье?

У меня внезапно пропало всякое желание сообщать Ирише о покупке тренчкота. И тем более предлагать ей его поносить. Обойдется!

– Да, жалею... – продолжала Ира. – Он такой стильный, яркий! Просто чудо!

Вот так – другое дело!

– А с чем он сочетается? – невзначай поинтересовалась я.

Мой вкус в отношении одежды явно уступает Иришиному. Подруга с готовностью падает в обморок, увидев, как я комбинирую юбку-карандаш с кроссовками. Но прыгать через лужи на шпильках, согреваясь мыслью о своей элегантности? Нет уж, увольте.

– Да вот с этим! – Подруга снова показывает мне журнал. – Все уже придумано. Специально для тех, кто не любит бегать по магазинам.

– Все девочки любят это!

– Раньше ты так не говорила. В общем, total look от Блюбери.

– Пожалуйста, по-русски.

– Целостный образ, придуманный и разработанный дизайнерами какой-нибудь марки. Тебе предлагается готовый образ, все сразу – плащ, блузка, юбка, туфли, перчатки, сумка. И даже шейный платок! Надевай и вперед! И будь совершенно спокойна – ты безупречна! Лучшие дизайнеры подобрали для тебя этот наряд.

– Здорово! – восхитилась я. – Единственное «но»: придется носить в сумочке кирпич.

– Зачем? – удивилась Ириша.

– На случай незапланированной встречи с девицей, избравшей тот же самый total look. Представь, ты сталкиваешься со своей копией. Плащ, блузка, юбка, туфли, перчатки, сумка. И даже шейный платок! Твои действия? Быстро достать кирпич и треснуть соперницу по голове. И спрятать ее в темном переулке. А после этого – снова в путь.

– Вечно ты смеешься, Юля! – возмутилась Ирина.

Как человек, тонко реагирующий на любые изменения в мировых модных тенденциях (а сейчас у нее есть материальная возможность быть ходячей витриной самых последних fashion-новинок), Ирина возмущена моими насмешками над идеей «целостного образа».

А что мне остается? Тренчкот я еще осилила – благодаря огромной скидке. Но если необходимо купить к нему блузку, юбку и туфли, мой бюджет, и так измученный ежемесячными платежами по ипотечному кредиту, треснет по шву.

Я рассматриваю картинку в журнале. В принципе... В обрамление к сиреневому тренчку предлагаются:

1) черные очки а-ля Жаклин Кеннеди (это не проблема, купить китайские за 150 рублей);

2) черная водолазка (ну, такая, слава богу, у меня уже есть!);

3) черные перчатки (Хм-м... В наличии только зимние, с

шерстяной подкладкой. Наверное, будет жарковато! Но что поделаешь, total look обязывает! Кто сказал, что будет легко?);

4) черные колготки (да запросто!);

5) туфли одного с тренчем оттенка (а вот это абсолютно невыполнимая задача. Известно, сколько стоят хорошие туфли – я даже не имею в виду знаменитые марки, а говорю о простых туфлях, каблук у которых отваливается не после пяти прогулок, а лишь через год. Короче, туфли мне сейчас не по карману);

6) прическа – иссиня-черное, геометричное каре (тут все просто – куплю парик!).

Так, ну а дальше? Нужна ли юбка? Или шорты? На фотографии – никаких внятных указаний на этот счет. И как же? Надеть лишь водолазку и колготки? О, представляю! Прихожу в редакцию «Удачных покупок», где меня заждались с новым материалом, небрежно стряхиваю с плеча сиреневый тренч и остаюсь в одежде, рекомендованной мне создателями total look от Блюберри. Какой грандиозный...

– Юля? Ты куда улетела? – Ирина решительно вторгается в мои судьбоносные размышления. – Я тут подумала о кардинальном преобразовании внешности. Жизнь идет вперед, меняется. Нам тоже надо меняться. А что, если я постригусь и покрашусь в блондинку? А?

Зачем ей это нужно?!

Да если бы я владела таким богатством, как у нее! Ее во-

лосы – целое достояние, тяжелый шелковистый водопад! И подвергнуть их пытке ядохимикатами! Ни за что!

Ирина – красавица. Она невероятно хороша. Только льдинки в глазах и королевские манеры спасают ее от массового мужского террора. Абсолютное большинство мужчин, увидев Ирину, спешно оттягивает войска, признаваясь тем самым, что эта непокоренная страна им не по зубам!

Лишь один рискнул пойти на приступ, и сразу же затрубили фанфары, возвещая скорую победу. Мать-одиночка, прозябающая в бедности, как бы хороша она ни была, не станет дольше пяти минут отбиваться от богача, подмявшего под себя городской рынок недвижимости. Если богач к тому же молод (всего двадцать семь!), весьма симпатичен и готов всю оставшуюся жизнь изображать из себя крепостную стену, о которую будут разбиваться в мириады осколков любые невзгоды, предначертанные Ирине судьбой.

И теперь Ириша собралась изменить облик! Хочет покраситься в блондинку! Какая глупость!

– Не выдумывай! Тебе ли мечтать о переменах? У тебя за последние четыре месяца столько всего произошло!

– Да уж. Но мне показалось, Льву нравятся блондинки.

– С чего ты взяла?

– Вчера он так пристально смотрел клип Валерии.

– Тогда, конечно, надо обязательно покраситься.

– Ты считаешь?

– Безусловно. Но если через неделю Лев будет присталь-

но рассматривать на телеэкране физиономию Эдди Мерфи, тебе придется делать пластическую операцию.

– Да ну тебя! Знаешь, мы с Анечкой теперь ходим в студию «Топ-топ-модель». Будем делать из ребенка манекенщицу!

– Какой ужас! – подсказываю я. – Манекенщицу?!

– Да.

– Ну зачем тебе это? Неудовлетворенные амбиции? Материнское тщеславие?

– Юль! Что страшного-то?

– Да ты посмотри на манекенщиц! Это же ходячие экспонаты с выставки «Бухенвальд. Прошлое в настоящем». Скелеты, обтянутые кожей! Жалкие вешалки, в угоду дизайнерам-гомосексуалистам уничтожающие любые признаки женственности в своих фигурах!

– Да ты на себя посмотри! Кто бы говорил! Ты сама – скелет, обтянутый кожей!

– Неправда! Я – пышечка! – в запале выкрикиваю я, раздувая щеки – чтобы они не казались такими впалыми.

– Ага, пышечка! Весом в сорок восемь килограммов!

– Не уводи наш спор в сторону. Зачем тебе делать из двухлетнего ребенка топ-модель?!

– Вот, взбеленилась, – мягко улыбается Ириша. – Ты глупая! Во-первых, Ане скоро три. Во-вторых, никто не будет делать из нее манекенщицу. Ей нравятся занятия! Они наряжаются, ходят по подиуму, танцуют и фотографируются.

Прекрасное времяпровождение для маленьких мартышек!

– Ну, я не знаю... Лучше бы Аня проводила время со мной! Я так соскучилась...

...Всего две недели прошло после нашей встречи в кофейне «Бисквит». А судьба нагромодила в эти четырнадцать дней столько происшествий, что при умеренном использовании хватило бы и на полгода обычной жизни.

И теперь я не отвечаю на звонки Ирины.

Вот так всегда. Женская дружба крепка и нерушима. Пока на горизонте не появляется он – Роскошный Мужик.

Глава 2

Насмешка судьбы

Мои ежедневные набеги на супермаркет «Магнит» я воспринимаю как насмешку судьбы. Кто бы мог подумать! Захожу сюда с завидным постоянством и сразу же бодрым галопом мчусь в отдел кулинарии.

А раньше я совершенно не могла понять людей, со слюной вожделения рассматривающих в витринах холодильников салаты, эскалопы и стейки из лосося. Я мысленно обращалась к предмету в сто раз более приятному, нежели пища, – к сигарете. Жаль, в «Магните» нельзя курить. Но я закурю, лишь только выйду на улицу!

Но сначала куплю эти чертовы котлеты.

И салат оливье.

Работницы кулинарного отдела уже знают меня по имени. Я их тоже – Света, Таня, Варя. Всегда легко схожусь с людьми!

Света вправляла мне вывих челюсти, которой я едва не загрызла мужика, задавившего меня тележкой. Нет, я обычно использую свою челюсть в гораздо более мирных целях, но джентльмен попытался взгромоздить на меня телегу весом в полцентнера! Да я сама столько не вешу!

Таня и Варвара откачивали меня после того, как я попро-

бовала их фирменный соус на основе васаби. Если вы не знаете, что такое васаби, – не знайте дальше. Татьяна и Варвара в тот день выступали в роли промоутеров и предлагали всем попробовать суши. Повар супермаркета, стремясь соответствовать модным веяниям, целеустремленно осваивал японскую кухню, а также обогащал ее личными находками. Фирменный соус являлся одной из таких находок. Размазывать его по суши и хотатэгаям следовало зубочисткой. Я же хватанула чайную ложку (бесплатно ведь!)...

У меня перед глазами взорвалась нейтронная бомба, я мгновенно ослепла. В ушах стоял такой звон, словно рушился стоэтажный стеклянный небоскреб. Я узнала, как чувствуют себя жертвы инсульта – не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. И впервые в жизни пожалела о том, что не родилась мужчиной. Ведь у мужчин, отведавших васаби, остается гораздо больше возможностей чем-либо пошевелить, природа в этом смысле их наградила более щедро, чем женщин. Я имею в виду извилины (надеюсь, вы именно об этом и подумали).

Но мои-то извилины были парализованы, как и все остальное (и это радует, потому что раньше я вообще сомневалась в их наличии. А теперь убедилась – да, они есть. Иначе как бы их парализовало? Если б их не было?). И поэтому я не додумалась стоять ровно и ждать помощи извне, пока не кончится действие васаби, а начала размахивать парализованными конечностями, круша все на своем пути...

Не такой уж большой урон нанесла супермаркету! Подумаешь, кулер с водой завалила набок и снесла рекламную пирамиду, выстроенную из коробок с конфетами. Но менеджер зала орала так, словно это ее, а не меня заставили сожрать чайную ложку васаби! С такими нервами лучше работать в менее людных заведениях, мягко намекнула я дамочке. А не там, где несчастных посетителей пытаются отравленным соусом.

Но затем появился топ-менеджер, и конфликт счастливо разрешился. Топ-менеджер сразу признал в злополучном существе, разгромившем половину супермаркета, Юлю Бронникову, журналистку. Год назад я писала рекламный материал о «Магните» для журнала «Удачные покупки». И даже предложила их пиар-отделу чудный слоган – причем совершенно бесплатно (я очень бескорыстна по натуре). Хотя, если задуматься, грех разбрасываться идеями, не то сейчас время. За рубежом создатель одного-единственного удачного слогана всю жизнь катается как сыр в масле. «Л'Ореаль. Вы этого достойны!», «Рибок. Just do it!» – вряд ли у сочинителей этих знаменитых прибауток есть проблемы с выплатой ипотечного кредита. Да они наверняка живут в пентхаусах! В отличие от меня.

Но я отдала мой уникальный слоган безвозмездно, просто от душевной щедрости. Вот он:

СУПЕРМАРКЕТ «МАГНИТ» – ОН ТЯНЕТ, КАК МАГНИТ!

Прелестно, не правда ли? Лаконично и емко. Изящно обыграно название супермаркета. Присутствует волнующая загадка – а что же такого в этом магазине необычного, если он «тянет, как магнит»?

Но слоган почему-то не приняло руководство пиар-отдела. Много они понимают!..

Итак, Света накладывает салат оливье, он плюхается на дно прозрачного контейнера с отвратительным чавканьем. Таня, мило улыбаясь, грузит на весы котлеты. Подозреваю, ее улыбка – для отвода глаз! На самом деле Танюша внимательно следит, как бы я еще чего не учудила.

– Ой, Юль, котлеты сегодня просто супер! Такие пышненькие!

– Спасибо.

Я не дождусь мгновения, когда, выскочив за пределы этого сверкающего гастрономического рая, схвачу пересохшими губами сигарету и жадно затянусь...

Дома грею котлеты в микроволновке, посыпаю укропом салат и красиво сервирую стол. Ужин готов! Сейчас прозвонит звонок, и на пороге появится Он, мое сокровище, мой идеал...

По крайней мере, именно так я воспринимала Никиту еще неделю назад. Пока совершенно случайно не стала свидетельницей разговора двух красоток – блондинки в красном платье и брюнетки в зеленом костюме. Речь шла о моем друге... Почерпнутая информация навек лишила меня сна. Те-

перь я словно героиня сказочных поэм Маркеса – звенящая от бессонницы, с прозрачным, как лед, сознанием, неспособным справиться с действительностью. Я не понимаю, что происходит. Мой Никита – кто он?..

Но каждый вечер послушно «готовлю» ужин и – о, катастрофа! – глажу рубашку.

Как это получилось? Как вышло? Всю мою независимость и самодостаточность я положила к ногам обаятельного красавчика. Я схожу с ума, когда он улыбается, когда на его щеках вспыхивают ямочки, когда смотрит на меня долгим взглядом и кладет на талию тяжелую ладонь. Он стягивает с себя футболку таким жестом, что у меня все переворачивается внутри. А когда сосредоточенно хмурит лоб, разбираясь в документах, или задумчиво смотрит в окно, я не могу до конца поверить в собственное счастье – он здесь, рядом, он живет у меня и ест с руки, этот сильный, красивый зверь...

Однажды вечером, в конце августа, через семь месяцев с момента знакомства и после миллиона раскаленных летних встреч, Никита пришел ко мне. Я открыла дверь и увидела два чемодана. На чемоданах громоздились коробки с техникой – DVD, компьютер... Через локоть любимого были перекинuty три чехла с костюмами. На мизинце, загнутом крючком, висела коробка с тортом. Под мышкой топорщился букет роз...

Прежде чем милый нагло ввалился в дом, я успела мысленно сопоставить габариты моей однокомнатной квартиры

и объемы нажитого Никитой имущества. И ужаснулась. А потом, конечно же, бросилась целовать возлюбленного. Наши отношения еще находились в той чудесной стадии, когда самое разнузданное проявление эмоций не воспринимается как перебор.

– Я подумал, лучше поживу у тебя! – объяснил Никита свое вторжение. – Зачем платить за съемный угол? Ведь можно сэкономить!

И хитро сверкнул глазами. Я все поняла. Трезвый расчет, желание сэкономить – отговорки. Просто он безумно хочет жить рядом со мной, в одной квартире.

– От тебя не дождешься предложения, – вздохнул Никита. – Вот, сам решился. Не выгонишь?

О, милый!..

Совместное проживание выявило многие противоречия. После экстаза первых трех суток (соседям, подозреваю, пришлось заpastись берушами) начались рабочие будни. Если ей двадцать девять, а ему тридцать три, то их устоявшиеся привычки наталкиваются друг на друга, как встречные потоки воздуха, и закручиваются вихрем, рождая торнадо проблем. И только настоящая любовь способна утихомирить разыгравшуюся стихию...

Я привыкла работать по ночам, изводя тонны сигарет и литры кофе. Никита курил изредка, в моменты волнения, а в полночь уже норовил упасть в кровать. И он с огромным удовольствием повесил на меня обязанности, с которыми сам

прекрасно справлялся, живя на съемной квартире.

– Малыш, разве ты ее не погладила? – изумленно спросил он, рассматривая мятую рубашку с таким непередаваемым выражением лица, словно по ней ползали скорпионы.

Я изумилась не меньше. Как-то не пришло в голову, что указанный предмет специально, а вовсе не случайно оказался на моем рабочем столе. После этого малыш, надрывно вздыхая, сам отправился гладить рубашку, до предела заполнив квартиру, как бокал вином, терпкой, душераздирающей грустью. Я среагировала молниеносно – прежде, чем включился мозг (так действуют опытные спецназовцы): рванула на кухню и вцепилась в утюг.

– Извини, просто думала, у тебя еще есть свежие рубашки, – пролепетала я.

– Нет, это ты прости! – замотал головой Никита. – Ты вообще не обязана. Конечно, сам справлюсь. Я почему-то решил, тебе будет приятно!

Да, проявить заботу о любимом – всегда приятно.

Наконец-то удалось вырвать утюг из рук Никиты...

Теперь почетная миссия контроля за состоянием Никитиных рубашек полностью на мне. И самое страшное – мне это действительно нравится! Приятно утюжить белоснежную ткань и представлять, как она соприкоснется с его рельефными мышцами, проскользнет по спине. Он так хорош каждое утро, когда надевает рубашку, галстук, костюм – я люблюсь им и с замиранием сердца вдыхаю запах его туалет-

ной воды, смешанной с запахом кожи...

Меня превратили в рабыню.

Я – заурядная домашняя клуша.

На завтрак взбиваю омлет. Завтрак в восемь утра (для творческой личности, сочиняющей по ночам статьи, бессовестно рано!). Сначала я сонно рычала и огрызалась на попытки Никиты извлечь меня из-под одеяла в неурочное время. Я была хвостом, как своенравная русалка, а милый горячо шептал, что лучше он уйдет на работу без завтрака и по пути умрет от голода, чем сядет за стол без его любимой девочки. Удивительно, насколько активны бывают отдельные индивидуумы в восемь утра. Пришлось смириться – я отправилась на кухню жарить омлет и варить кофе.

К счастью, он неприхотлив – мой мужественный рыцарь. Несколько шампиньонов, бекон, болгарский перец (порезать мелкой стружкой), капля оливкового масла (первого холодного отжима!), соль, перец по вкусу. Готовый омлет посыпать тертым сыром, украсить листиком базилика... Подавать, предварительно остудив до семидесяти трех градусов по Цельсию.

А с ужином меня выручает супермаркет «Магнит». Даже приобрела новую скатерть и сервиз, разрываема внутренними противоречиями: словно помогала затянуть петлю на собственной шее. Ведь была современной девушкой, независимой и гордой. И бесславно попала в ловушку!

Но мне так хорошо в этой ловушке!

Ведь Никите тоже пришлось мириться со многими неудобствами, переехав на ПМЖ к анорексичной, зацикленной на работе девице. Взять хотя бы квартиру, снимаемую им до переезда. Это были роскошные хоромы в центре города, с двумя просторными комнатами и джакузи. Он выкладывал ежемесячно за квартиру астрономическую сумму, но жил как белый человек. Я приходила в гости. А теперь? Впихнулся, как жираф в табакерку, в маленькую однокомнатную. Его комп пришлось размещать едва ли не на потолке.

– Ничего, малыш, – подбадривает меня Никита. – Вот закончим ремонт в нашей новой квартире и тогда...

В нашей новой квартире... Звучит, как сказка! Я таю, я становлюсь мягкой и податливой и уплываю куда-то в даль, покачиваясь на теплых черноморских волнах, прислушиваясь к тихим всплескам воды и крикам чаек... Никита называет квартиру «нашей» – значит, у нас есть совместное будущее?

Временные материальные затруднения Никита объясняет покупкой этой трехкомнатной квартиры и затеянным ремонтом. Он, как норвежский моряк лосося, выпотрошил все банковские счета – ведь недвижимость в нашем городе идет по цене бриллиантов и сапфиров.

Что такое сто тысяч долларов? Небольшой коттедж на берегу Атлантики или у подножия Пиренеев: соленый морской воздух, бескрайний пляж... Или полтора домика в Праге –

красные черепичные крыши, очарование многовековой старины, восхитительные пражские кофейни... Или две полностью меблированные и оборудованные бытовой техникой квартиры в Болгарии в жилом комплексе с инфраструктурой и охраной...

В нашем городе за эти грандиозные (не для всех, конечно, но уж для меня – точно!) деньги легко и непринужденно вы купите только восьмидесятиметровую квартиру в многоэтажке-скворечнике, с пучками электропроводов на бетонных стенах и разинутыми пастями труб в местах установки сантехники...

Никита купил не восемьдесят, а сто метров! И в отличие от меня, приобретая квартиру, он не связывал себя резиновыми ремнями ипотеки. Выложил наличные, мой богатенький буратино! А мне еще десять лет пыхтеть и мучаться, выплачивая кредит.

– Здесь поставим твой стол, – показывает Никита в угол одной из комнат. Он крепко держит меня за руку и водит по бескрайним просторам, время от времени отодвигая ногой что-то мягкое. Ах, да, ведь это рабочие! Они делают ремонт в нашей квартире! Чудесные, трудолюбивые люди!

– А здесь будет детская!

О, боже!

На секунду Никита мечтательно застывает. Я тоже вижу перед собой не листы гипсокартона, кирпичи и гору песка, а кроватку с кружевным балдахином. Сквозь вой дрели и

стук молотков прорывается мелодичный звук детской шарманки-карусели – она висит над кроваткой, и малыш сосредоточенно наблюдает за пластмассовыми коровами, летающими по кругу!

Сейчас заплачу от умиления...

Такую же игрушку я покупала для Анечки, Ириной дочки...

– Детская! – грозно повторяет Никита, испепеляя взглядом, выхватывает у меня изо рта сигарету и сует под нос кулак.

Спасибо, по физиономии не съездил!

Вот так и живем: постоянно приходится наступать на горло своим желаниям. Даже покурить нельзя. А я расчувствовалась при виде детской кроватки, разволновалась! Вспомнила Анечку, моего первого ребенка, рожденного, правда, Ириной, но страстно мною любимого. И тут же потребовалась сигарета – универсальное средство от нервных потрясений... Но будущий папаша еще не утратил надежды ограничить потребление никотина будущей мамашей. Глупенький какой! Скорее звезды устроят внеочередной парад планет!..

...Ну что ж, ужин готов. С удовольствием оглядываю накрытый стол. Пожалуй, надо быстро выкурить сигаретку в открытое окно – тогда к приходу деспота запах табака успеет улетучиться.

Глава 3

Сугубо деловой обед

Свидания с Маргаритой Эдуардовной Бронниковой обычно не сулят ничего хорошего. По загадочному стечению обстоятельств эта неординарная женщина является моей мамулей, и данный факт, я думаю, безмерно ее удивляет. По крайней мере, довольно часто приходится ловить на себе недоуменный взгляд, словно вопрошающий – *и это мое дитя? Как? Каким образом оно получилось таким... таким... неправильным?*

Действительно, почему от такой выдающейся, сильной личности, как Маргарита Бронникова, отпочковалось существо инертное и никчемное – ее дочурка? Почему у зеленоглазой красавицы, похожей на пантеру, готовую к прыжку, родился серый тушканчик?

Но я вовсе не считаю себя никчемным существом! Поэтому наши с мамой оценки моего эго находятся в долговременном и непреходящем конфликте. И внешность свою я воспринимаю гораздо менее критично, нежели это делает маман. Серьезно, я очень симпатичная!

Но так как мамуля самый близкий и дорогой мне человек, приходится прыгать выше головы – изображая циркового пуделя. Сколько я себя помню, всегда пыталась доказать

маме свою состоятельность...

А Марго меж тем безработная. Крупный финансист и председатель правления банка «Гелиос», она в одно мгновение оказалась не у дел в результате сложной махинации, провернутой конкурентами. Ее драгоценный ребенок (полагаю, даже более любимый, чем дочь Юлия – но не менее, чем сын Сергей) – банк «Гелиос», заботливо и трепетно выращенный, достался врагам.

Любой на ее месте впал бы в депрессию, но не Марго! Она с ледяным спокойствием самурая признала поражение и молча удалилась, лишив конкурентов счастья видеть ее в гневе или слезах. И, не в силах изменить ситуацию, изменила свой взгляд на нее.

– Что ж, – сказала Маргарита, – «Гелиос» был прекрасным этапом моей биографии. Раз теперь он в прошлом – надо двигаться вперед, осваивать новые просторы... А пока – займусь собой. И, находясь в вынужденной паузе между двумя глобальными проектами, Марго начала стремительно хорошеть.

– Хожу в спортклуб, – сообщила она мне. – «Саванна», знаешь?

– О, да! Я делала для них рекламный материал. У них чудовищные цены!

– Зато какой сервис!

– Но цены ужасные.

– И очень симпатичные инструкторы.

– Но цены ужа...

– Я записалась на курс шоколадного обертывания, – ого-рошила она меня в другую нашу встречу. – Забавная процедура! И дает гарантированный результат. Ты пробовала?

– Вот еще! Фантастика – ты уверовала в силу шоколадного обертывания! Но все эти обещания – рекламная уловка.

– Ах, Юля! О чем с тобой говорить? – раздраженно морщится Марго. – Когда я работала двадцать четыре часа в сут-ки и видела перед собой лишь банковские документы, отчеты, договора, тебя это совершенно не интересовало. Финансы, менеджмент, кредитная система – сфера, далекая от тебя. Теперь я наконец открываю для себя маленькие женские радости – шоколадное обертывание, пилатес, целлюлит. Но ты и эту тему не желаешь разрабатывать.

– Разве у тебя есть целлюлит?

– Не важно. Главное – борьба с ним доставляет массу удо-вольствия. Но тебе это не интересно. Тебе скучно!

– Знаешь, с тобой никогда не бывает скучно.

– Намекаешь на мою чрезмерную требовательность к тебе? Конечно! Я пытаюсь тебя расшевелить, но ты предпочитаешь плыть по течению...

О, да! С тех пор, как у Марго появилось свободное время, она занялась дочуркой всерьез. Если раньше я скромно довольствовалась тремя телефонными звонками в день и десятком назидательных sms, то теперь меня постоянно выдер-гивают на «деловые обеды», посвященные обсуждению мо-

их планов на жизнь.

Единственный положительный момент – Марго без ума от Никиты. С тех пор как мы дружим с этим восхитительным юношей, мы уже пять раз обедали втроем. Никита держится с галантной почтительностью будущего зятя, маман искрится, как бенгальский огонь: настолько ей приятно общаться с моим кавалером.

Это человек ее типа. На первом плане – работа, амбиции, карьера, и фоном – все остальное. Быстрые реакции, четкое мышление, умение анализировать и выдвигать гипотезы. Порой я даже не понимаю, о чем они говорят, – пока мысленно разжевываю какой-то их пассаж, они убегают далеко вперед, понимая друг друга с полуслова.

Ну и ладно, мне ничуть не обидно.

Ведь я люблю их обоих.

Я даже уловила некий оттенок уважения в мамином взоре, обращенном ко мне. Она словно признавала мою охотничью ловкость – доченька расставила капканы и поймала крупную дичь. Ей только непонятно, чем же я прельстила такого шикарного самца?

И правда, чем?

В эту пятницу мамуля травила дочь бизнес-ланчем в ресторане «Виконт». Я уныло ковырялась в тарелке и напряженно осмысливала свалившиеся на меня проблемы – неделя выдалась суматошной. А Марго, не наблюдая очевидных достижений в плане перевоспитания дочери, жаждала ин-

тенсифицировать процесс.

– Ах, Юля! Ты витаешь в облаках! Ты совсем меня не слушаешь!

– Что? Да. В смысле, нет! Я внимательно тебя слушаю.

– Нет! Признайся, сейчас ты думала о чем-то другом!

Естественно!

Я размышляла о Никите и его двойной жизни. Но и не думала посвящать маму в подробности.

– О Хемингуэе, – скромно признаюсь я. – Я думала о Хемингуэе.

– Да ладно!

– Серьезно. Прочитала в его парижских заметках об одной катастрофе. Он был молод, беден, еще неизвестен и только учился писать...

– Насколько я могу судить по его произведениям, ему это так и не удалось.

– Почему?

– Он с таким трудом выдавливал из себя каждое слово и каждый абзац – словно ему приходилось писать под дулом пистолета.

– Но Хемингуэй получил Нобелевскую премию за рассказ «Старик и море»! – вступаюсь я за писательское мастерство американца. Мы ведь с ним почти коллеги – я тоже пишу (например, вчера накропала статейку для дамского журнала «Стильная Леди». Думаю, мне Нобелевскую премию никто не даст. Мечтаю лишь о гонораре).

– Ну, так он получил премию не за стиль, а за философскую глубину произведения. За масштабность идеи. Хотя ладно. Это мое личное мнение. Что ты там хотела рассказать?

– Так вот. Его жена, собираясь в поездку, сложила в чемодан все рассказы Хемингуэя, оригиналы и отпечатанные копии – в те времена, представь, печатали на машинке, на каком-нибудь «Ундервуде», я думаю. И этот чемодан у жены украли на вокзале! Ты представляешь!

– Деньги она тоже туда положила?

О чем еще может спросить банкир?!

– При чем тут деньги?! Хемингуэй остался без рассказов, ты только задумайся! Какое горе для писателя! Катастрофа! Но дело совсем не в этом.

– А в чем? – скучным голосом осведомляется Марго. Наверно, ей уже надоел мой рассказ, и она только из вежливости готова выслушать до конца дочкины излияния.

– Неужели его ранние рассказы были настолько ужасны, что пришлось выдумывать историю с чемоданом?

– То есть чемодан никто и не крал?

– Подозреваю, он все это придумал, чтобы избавить мир от знакомства с его первым литературным опытом.

– Так и не показывал бы никому... К чему такие сложности? Наверное, чемодан действительно украли.

– А если и украли! Тогда зачем Хемингуэй об этом написал, зачем поведал всему миру? Ведь иначе как душой его

жену не назовешь – умудрилась потерять и оригиналы, и копии!

Да я убила б за это!

Представляю: написано десять статей, готовых к отправке редактору. Это же целое богатство! И вдруг – сбой в Сети, проблемы с компьютером, все сгорает. На диск не скопировала, на флэшку – тоже. Все пропало! Остается тихо утопиться в раковине...

– Знаешь, Юля, на фоне массового эксгибиционизма современных публичных персонажей история с чемоданом не выглядит чересчур откровенной. Я сегодня случайно включила телевизор и увидела дочь известного в прошлом политика. Она рассказывала о том, какие у нее трусики. Папа уже давно в могиле, но покоя он не дождетсЯ. Дочурка не догадалась взять псевдоним, и знаменитая фамилия отца, раньше ассоциировавшаяся с такими понятиями, как *честность, ум, принципиальность*, теперь является синонимом пошлости и дурного вкуса.

Маман задумчиво смотрит на меня. Я лихорадочно начинаю соображать – а нет ли здесь параллели? Не намекает ли Марго на собственную дочь – неудачливую в плане поддержания семейного реноме.

Ну, нет! Лучшие давайте вернемся к Хемингуэю.

– Значит, ты полагаешь, чемодан все же был украден?

– Ах, Юля! Дался тебе этот чемодан! – взрывается Марго. – Тебя прямо заклинило! Украли – не украли! Какая раз-

ница? Ты лучше скажи – ты бросила курить?

– Конечно! – бодро рапортую я. – Ты же видишь – я не курю. И не пытаюсь срочно отпроситься в туалет.

– Да, я заметила. Нет, серьезно? И как долго ты уже не куришь?

– Ну... Довольно прилично...

Уже целых два часа.

Правда, пришлось обклеить себя антиникотиновым пластырем, как спальню обоями. Но под одеждой не видно. А еще в аптеке посоветовали жвачку, теперь жую украдкой, чтобы Марго не заметила. Аккуратненько так, соблюдая конспирацию. Ведь жвачка тоже раздражает мамочку.

А что вообще ее не раздражает?

Правильный ответ: общество молодых амбициозных интеллектуалов. По крайней мере с двумя такими я знакома – это мой возлюбленный Никита Арабов и мой старший брат Сергей Бронников.

Увы, общение со мной всегда только нервировало маман.

– Ты закажешь десерт?

– Только не это!

– Как всегда плохо ешь. А знаешь – почему?

– Почему?

– Ты много лет курила, и твои вкусовые рецепторы атрофировались.

И мозги тоже.

Зато удалось сохранить ноги.

Они такие красивые!

– А почему ты совершенно перестала говорить об Ирине и Анечке?

О, нет!

Тема закрыта.

С Ириной я больше не знакома.

– Неужели вы не общаетесь?

– Ну, ты ведь знаешь... Ирина теперь живет за городом, в коттеджном поселке. Добраться до нее не так-то легко.

– А сама она в городе, конечно же, не бывает? – язвительно спрашивает маман.

– Бывает, но у нее постоянно то шейпинг, то салон, то магазины... Сейчас она учится водить автомобиль. Это тоже отнимает уйму времени.

– Хмм... Вы ведь так дружили! Ну, а ребенка она тебе подбрасывает? Ведь ты обожаешь Аню!

О господи!

Зачем с настойчивостью инквизитора возвращать меня к этой теме? Она сует раскаленный прут в открытую рану! Мне же больно!

– Аня тоже превратилась в чрезвычайно занятую девицу. Теперь она ходит в элитный садик, у нее бассейн, массаж. И еще они записались в студию, где готовят юных манекенщиц.

– Наверное, очень юных.

– Да уж. И еще Ира наняла гувернантку, – могильным голосом добавляю я.

Мама вздыхает и смотрит на меня укоризненно – вот-вот с ее губ сорвется замечание: «А я тебя предупреждала!»

Да, она предупреждала, что нельзя прикипать душой к чужому ребенку! Но разве могла я воспринимать Аню не как часть себя? Ведь я забирала их из роддома! Я только грудью не кормила, а все остальные функции исправно выполняла. Для Иры и Ани я была опорой, палочкой-выручалочкой, кариатидой, поддерживающей их шаткий, безденежный быт. Но вот появился он – роскошный, богатый мужик, Лев Таиров, местный король недвижимости, владелец нескольких риелторских фирм. И меня отодвинули в сторону, как ненужную деталь! Убрали с глаз долой, как опостылевший торшер!

Сообщением о гувернантке Ирина буквально меня добила. Зачем им чужой человек, если есть я – готовая по первому зову мчаться за тридевять земель, в их коттеджный поселок, лишь бы провести время с моим драгоценным человечком! Я еще чувствую Анин поцелуй на щеке, и ее атласные ручки, обнимающие мою шею, ее восхитительный запах... Я ужасно скучаю!

Но ничего не поделаешь.

Это не моя девочка.

Это чужой ребенок.

А после того, как обошлась со мной Ирина на прошлой неделе, я и вовсе перестала отвечать на ее звонки.

– Хорошо, давай-ка не будем об этом, – говорит мама, уви-

дев слезы в моих глазах.

И я чрезвычайно ей благодарна – обычно она менее щепетильна и готова разрабатывать избранную тему вплоть до полного морального уничтожения собеседника. Она могла бы напомнить, как Ира жила за мой счет, как я покупала им продукты, лекарства, выполняла Ирину работу, лишь бы ее не уволили. Самой Ирише это не удавалось.

Зато она сумела приворожить владельца «Квартала» Льва Таирова – и теперь живет за городом. В январе они собираются сыграть свадьбу.

– Ну, давай поговорим на более приятную тему. Ты, конечно, знаешь, что погиб Аслан Кумраев?

Упс! Час от часу не легче!

Приятная тема, ничего не скажешь!

Конечно, я в курсе. Но зачем нам обсуждать смерть Кумраева?

– Мммм, – предельно развернуто и исчерпывающе отвечаю я на мамин вопрос.

– И так нелепо! Свалился на стройке в какую-то яму. Чего ему в офисе не сиделось?

– Мам, а разве ты была с ним знакома?

– Сталкивались пару раз. Ты ведь понимаешь, в нашей среде мы все друг друга знаем.

Я пытаюсь быстро высчитать денежный эквивалент понятия «в нашей среде». Сколько нужно иметь на счету в банке, чтобы стать членом этой самой среды? Десять миллионов

рублей? Один миллион евро?

Но говорить о Кумраеве – выше моих сил. Мне необходимо молчать. Ведь о мертвых – только хорошее. А если я открою рот, то обязательно скажу какую-нибудь гадость об Аслане. Давайте лучше поговорим на темы государственного устройства – например, о запевалах реформы здравоохранения. Ведь наши министры-реформаторы живы и здоровы, и потому в их адрес можно высказываться правдиво. Как они того заслуживают.

А о Кумраеве – ни слова.

Но мама продолжает теребить меня.

– Ты ведь постоянно писала о его мебельных салонах.

– Да, писала.

– Тесно с ним контактировала.

– Угу.

– И что?

– Ничего хорошего. Он изводил меня придирками.

– Конечно! Что за работа – писать на заказ рекламные статьи?

– Чем она хуже любой другой?

– Бесперспективна и зависима.

– Человек всегда зависим – от погоды, мнения окружающих, настроения начальства, а самое главное – от тех, кого любит. Я ведь обеспечиваю себя? И ладно.

– Ты слишком болезненно реагируешь на мои замечания.

– Это ты болезненно реагируешь на мои попытки жить

собственной жизнью.

– Я старше и умнее.

– И намного красивее, – киваю я. – Но ведь это – моя жизнь!

Мама раздраженно хмыкает. Но, очевидно, безоговорочное принятие тезиса о ее физическом и умственном превосходстве приятно щекочет ее самолюбие.

А меня волнует другое: откуда Марго узнала, что я писала о мебельных салонах «Таунхауз», принадлежащих Аслану Кумраеву? Ведь раньше она принципиально не читала «Удачные покупки» и полностью игнорировала журналистские потуги дочери. Неужели маман теперь следит за моим творчеством? Неужели я стала ей интересна?

Глава 4

Усы и чувства

Проверяю телефон – за последние два дня Ирина звонила мне несколько раз. Я стойко игнорирую подругу. И вот теперь на экране появляется ее взволнованная эсэмэска: «Кумраев разбился на стройке! Ты знаешь об этом?!!»

Ну, никому не дает покоя печальная участь миллионера! Вот и Ириша шлет сообщения, и многочисленные звонки (а за последние месяцы я уже отвыкла быть в эпицентре ее внимания), очевидно, объясняются той же причиной – подруге хочется обсудить новость.

А ведь она лишь раз встречалась с Асланом Кумраевым. И какое неизгладимое впечатление произвел на нее этот голубоглазый брюнет! Я стала невольным инициатором их знакомства, взяв Иришу с собой на презентацию. Я намеревалась произвести фурор на вечеринке, сразив присутствующих неземной красотой. Но как-то совершенно вылетело из головы, что рядом с Ириной у меня такие же шансы быть замеченной мужчинами, как у Аллы Борисовны – сохранить инкогнито, отправившись в продуктовый за молоком.

На презентации Ирина блистала. Кумраев, потрясенный очарованием незнакомки, тут же начал подбивать клинья и строить грандиозные планы совместного освидетельствова-

ния его коллекции сушеных кактусов. Ириша приняла предложение – ведь тогда, ранней весной, она еще не являлась невестой Льва Таирова, она и вообразить не могла, какой замечательный сюрприз ей уготован судьбой. Тогда Ирина была женщиной, только-только отсидевшей заключение декретного отпуска. И она жаждала развлечений.

Поэтому уехала с вечеринки в лимузине Аслана Кумраева.

Что он с ней сделал в своем шикарном особняке – не хочется и вспоминать. Желание барышни испытать давно забытые приятные ощущения вошло в противоречие с намерением Аслана организовать себе ночь жесткого секса. (Вот так же и правительству трудно понять свой народ. Ведь как бы правительство ни старалось, как бы ни придумывало всякие полезные нововведения, народ всегда недоволен! Он всегда гундит, стонет и хочет чего-то другого... И ладно б эти людишки мечтали о чем-то действительно стоящем, о красавицах-яхтах, например, о личных вертолетах или футбольных клубах! Так нет же! Изводятся по поводу какой-то мелочовки – о копеечных пособиях, субсидиях, прибавках! Ну почему, почему?! Взять хотя бы программу «Доступное жилье». Грандиозный проект! Теперь учителя и медсестры, заплатив в качестве первоначального взноса ничтожные полмиллиона рублей, с песней и слезами радости на глазах могут вселяться в новые квартиры. Чудненько! Незаметно пролетит десятилетие, в течение которого учителя и медсестры бу-

дут ежемесячно платить банку две-три своих зарплаты, и вот уже прекрасная однокомнатная квартира полностью принадлежит им. Ну, разве не здорово придумано?!)

После той дикой ночи Ирина больше никогда не виделась с владельцем «Таунхауза». Однако, узнав о его нелепой гибели, наверняка ощутила, как сладко теснится в груди: наконец-то негодяй получил по заслугам! Но я не хочу обсуждать с ней вопросы справедливого возмездия. И я не хочу говорить об Аслане Кумраеве.

Я вообще не хочу разговаривать с Ириной!

Хотя думаю о ней постоянно. В те моменты, когда почему-то вдруг перестаю убиваться по поводу вероломства Никиты...

В редакции «Удачных покупок» – переполох. Срочно переверстывают очередной номер. Редакторы бегают с выпученными глазами, создавая ажиотаж, энергией которого, я подозреваю, они сами и подпитываются. Можно подумать, планета взорвется, земная кора треснет и из недр нашего шарика выплеснется в космос бушующая лава, если очередной номер поступит в типографию с двадцатиминутным опозданием.

А почему вдруг решили переверстывать номер?

Что случилось-то?

Биг босс, наш возлюбленный главный редактор, отлавливает меня в коридоре, как клетку в супе, и, пристально глядя в глаза, сообщает страшную новость:

– Детка, ты только не обижайся! Я снял из номера твою последнюю статью о «Таунхаузе»...

Вот теперь и мне пора таращить глазки от неожиданности – надеюсь, я не потеряю привлекательности?

– Степан Данилович?! Почему?! За что?!

– Ну, ты же понимаешь... Кумраев – того... Готов. И зачем он вздумал отрабатывать на стройке акробатический этюд, а? – главный редактор гипнотизирует меня взглядом.

– Говорят, в яму упал, – заторможенно объясняю я.

– Упал... – эхом отзывается босс. – Ну и это... Он не успел перечислить деньги за последний материал.

– Да... Ну, это естественно! В его нынешнем состоянии довольно проблематично осуществлять столь сложные финансовые операции.

– Вот! Ты сама все понимаешь! Умная девочка! Ну, согласись, нет никакого смысла ставить статью в номер бесплатно!

Проклятье!

Подлый Кумраев!

Он мстит мне из могилы!

– Что ж, получается две бессонные ночи – коту под хвост, – мрачно резюмирую я. – А сколько раз он заставлял меня переделывать материал! Сколько замечаний насчет моей профпригодности я выслушала! Сколько унижительных намеков вынесла! И все зря? А я ведь рассчитывала на гонорар! Эх!

– Ну, не переживай так сильно, Юленька!

Как же мне не пережить?!

Жаль времени, убитого впустую, жаль затраченного труда и нервных клеток. Аслан Кумраев был самым щедрым и стабильным клиентом «Удачных покупок». Он рекламировал себя с помощью нашего журнала с упорством, достойным лучшего применения. И неизменно выбирал автором статей Юлию Бронникову. Конечно! Думаю, играя с бедной журналисткой, которую он теребил, как замученную мышь, Кумраев получал удовольствие, близкое к сексуальному. Да, у нас с ним были *особые* отношения. Какое счастье, что теперь я навсегда избавлена от необходимости общаться с ним!

Он погиб в среду. О, сколько волнений было связано с этим днем! Я впервые надела сиреневый тренкот от Блюберри, натянула парик – экстравагантное черное каре (купила в торговом центре совсем недорого), взяла солнцезащитные очки-стрекозы. И не сомневалась – в таком виде меня не узнает никто!

Как же я ошибалась!

– Степан Данилович, вы меня убили, – признаюсь я боссу. – Пойду, пожалуй. Вы позволите? Главред смотрит удивленно – когда это я спрашивала у него разрешения? Появляюсь в редакции эпизодически, материалы перегоняю по электронке. Удачно устроилась! Я наполовину фрилансер, наполовину штатный работник – мечта! Никто не стоит над душой, но и без заказов я никогда не останусь.

Правда, сегодня Кумраев лишил меня надежды на круп-

ный гонорар!

Моросит мелкий дождь. А я без зонта. Понуро плетусь из «Магнита» в сторону автобусной остановки. Осенний дождь наполняет сердце щемящей безысходностью. Он словно ставит точку в волшебной поэме лета. Да, лето кончилось – единственное и неповторимое, жаркое, страстное и беззаботное. И сколько проблем принес сентябрь!

Прислушиваюсь к себе и пытаюсь выделить основные причины моего траурного настроения:

1. Никита, возможно, подлец. Милый, обаятельный подлец.
2. Развод с Ириной – я потеряла подругу. Но самое главное – лишена общения с Анечкой.
3. Сложные отношения с Марго.
4. Обычные денежные затруднения (так как с Кумраевым покончено, теперь мне придется забыть о солидных процентах – я ого-го сколько получала от рекламных отчислений Аслана, хоть он и пил мою кровь).
5. Никак не удастся бросить курить. И кажется, это начинает нервировать Никиту.

Блестящие желтые листья на черном асфальте. Медно-красный клен и лимонного цвета тополь совершенно промокли... Как и я... Мне грустно!

...На ужин купила лосося, фаршированного грибами. Чего только люди не придумают! Под страхом смерти я не притронусь к подобному деликатесу. А сколько денег теперь я

оставляю в «Магните»! Наверное, это моя карма – всегда быть без денег. К одним богатство липнет, как холодные макароны к тарелке. И вряд ли особая финансовая удачливость этих людей напрямую связана с их трудолюбием или непревзойденным коммерческим талантом – да нет же! Просто им суждено было родиться в тот момент, когда Бог находился в приятном расположении духа, сидел, наверное, на пляже и тянул мартини через соломинку... Таким счастливчикам даже налоговая инспекция возвращает энные суммы – забереите, мол, обратно, вы слишком много перечислили!

Я не из этой категории. Деньги удастся подержать в руках лишь одно мгновение. Сейчас у меня две основных статьи расходов: а) погашение кредита за квартиру, б) обслуживание Никиты. Никогда прежде не тратила подобных сумм на еду! Это какой-то ужас! Наверное, дешевле было бы не увеличивать доходы супермаркета «Магнит», а раз в неделю закупать продукты на рынке. Но тогда мне пришлось бы по три часа в день стоять у плиты! За три часа я способна накропать половинку статьи для «Стильной Леди». А они неплохо мне платят. Да, это замкнутый круг: я пишу статьи, чтобы получить гонорар и купить готовые антрекоты – чтобы высвободить время для написания новых статей. Дурдом какой-то!

Сколько можно жрать?!!

Почему мужчины так любят есть?!!

Зачем им это мясо?!!

У меня не хватает духа попросить у Никиты денег на про-

дукты. Я стесняюсь. А сам он почему-то не предлагает. Не воспримет ли он просьбу выделить денег на хозяйство как попытку навязать ему роль мужа? Но он мне не муж. Или я чересчур щепетильна в материальных вопросах? Другая давно бы уже скомандовала: гони бабки, чувак! Но я так не умею. Поэтому и барахтаюсь в плену стереотипа «Гостеприимная Хозяйка» – раз у меня гость, я обязана устроить его с комфортом. Утром – омлет с беконом, кофе. Вечером – ужин из трех позиций.

Нет, серьезно – сколько можно жрать?!!

Если рассудить, Никита тоже тратит достаточно. Он заваливает меня цветами и подарками, водит на концерты (триста долларов за один билет на Патрисию Каас!), заказывает столики в ресторанах (опять еда!). Как же сделать его траты более разумными? Но я не могу распоряжаться деньгами Никиты, он сам их заработал и использует по собственному усмотрению. Проблема в том, что мне самой приходится тратить деньги вовсе не так, как хотелось бы. Я так и не купила те сапоги от Baldinini. Хотя умудрилась-таки купить сиреневый тренчкот! Да, это настоящая победа над обстоятельствами.

...Наверное, повара из «Магнита» не зря получают зарплату – фаршированного лосося Никитос трескает за милую душу. А до лосося он разделался с «Норвежским» салатом («Суперский салатик, такой интересенький, оригинальненький, – кудахтала Танечка, наваливая в контейнер

липкую массу, брррр!). Кажется, в нем есть креветки. По крайней мере, креветочные усы торчат из салата в разные стороны. Прямо, можно сказать, живописно свешиваются на пол.

Смон!!!

Разве у креветок длинные усы? Это у раков! Я перепутала. Но что же тогда торчит из моего салата?

О боже! Неужели это не усы?!!

Но тогда ЧТО?!!

Украдкой изучаю остатки в салатнике – задумчиво ковыряю вилочкой.

– Вкусно-вкусно! – подбадривает Никита свою анорексичную подругу. – Попробуй! Давай, ешь! А ну, ешь, я кому сказал?!

Мне импонирует его командный тон – я сразу превращаюсь в маленькую любимую девочку. А еще нравится Никитин оптимизм: он не теряет надежды раскормить меня хотя бы до пятидесяти пяти.

Но как же отвратительно его двуличие! Я не понимаю, могу ли доверять Никите. Когда я вижу перед собой его открытое улыбающееся лицо, когда перехватываю влюбленный взгляд – то просто не верю, что это может быть игрой. Неужели он опытный притворщик? Неужели ему не составляет никакого труда ежедневно и ежеминутно обманывать подругу?

А сегодня вечером Никита принес цветы. Волшебный букет белых роз – нежных, невинных...

Но подождите! Что же все-таки торчит из салата?!!

Не пора ли мне проверить зрение? А заодно – сделать энцефалограмму. Подозреваю, аппарат выдаст ровную линию. Никаких колебаний. Признаки жизнедеятельности мозга отсутствуют. По причине отсутствия самого мозга.

О, да! Если б я была умнее, то устраивала бы свою жизнь более рационально и разумно. По крайней мере, обзавелась бы бойфрендом-душечкой, а не мужчиной, понять которого мне не хватает нравственных сил...

– В этом салате такие интересные штучки, попробуй, малыш! – говорит Никита. Он с хрустом отламывает один «ус» и смело отправляет в рот. – Что-то вроде соломки. Очень оригинально!

Он смотрит на меня с нежностью. Ему действительно приятно мое общество! Он ни капли не притворяется...

Неужели это правда?!

Глава 5

Минус одна подруга, минус один друг

Только странной прихотью фортуны объясняется факт, что в ту субботу я оказалась в ресторане «Киото» именно в момент встречи этих двух девиц. Блондинка в длинном ярко-красном платье и брюнетка в зеленом костюме. Ослепительная парочка, мужчины украдкой поглядывали на них. Я вообще должна была быть в другом месте. Или могла приехать в «Киото» на час позже. Или сесть за другой столик – там, где разговор двух красоток был бы недоступен для моего слуха.

Но я очутилась именно в этой точке пространства и в строго определенное время... Загадочные, необъяснимые совпадения порой приводят к мысли о существовании высших сил, управляющих судьбой человека. Возможно, кто-то давно не сомневается в предопределенности всех наших земных мытарств, но я еще цепляюсь за утверждение – «Человек – хозяин своей судьбы». Наверное, зря...

Итак, почему в ту субботу я очутилась в японском ресторане?

Нет, я, конечно, только тем и занимаюсь – скитаюсь по заведениям общепита. Мои сложные отношения с пищей пря-

мо-таки провоцируют знакомых назначать встречи именно в ресторанах и кафе. Но в субботу я собиралась за город. Ириша наконец-то оставила мне узкую двухчасовую лазейку между бассейном и массажем и разрешила посидеть с Анечкой. Как долго я ждала этой встречи! Как истосковалась по моей горошинке!

День начинался великолепно, солнце сияло по-летнему, небо ослепляло яркой голубизной. Легкий ветерок шевелил разноцветные кроны деревьев – и в природе, и у меня на душе было весело и нарядно. И именно этот день превратился в жестокое испытание для моей нервной системы.

К сожалению, Никита в субботу отправился колесить по области, инспектируя предприятия АО «Фростком». Поэтому до коттеджного поселка пришлось добираться не на шикарном «Лексусе», а на автобусе.

– Прости, малыш, не могу, – вздохнул Никита, поцеловал меня в нос и прилохматил мои три волосинки (*черт, ведь это же была прическа!!!*). – Придется тебе взять такси. Но завтра я вернусь и как-нибудь компенсирую причиненные неудобства. О'кей?

Таксист заломил столько, что у Билла Гейтса случился бы инфаркт. Чего уж обо мне говорить! Поэтому полтора часа тряслась в маршрутном «пазике», зато истратила всего двенадцать рублей.

По дороге зарядил дождь. Сначала он оставлял на стеклах неуверенные тонкие росчерки, потом полились потоки воды.

Я неудачно вывалилась из автобуса прямо в мутную жижу и пристроила на голове сумочку – за неимением зонта. В другой руке крепко держала пакет с подарками для Анечки.

Сумка так же мало защищала от дождя, как президентская прибавка к пенсии спасает саму пенсию от инфляции, а пенсионера – от унылых мыслей. Я промокла в одну минуту. Но мысль о скорой встрече с любимым младенцем веселила сердце, и ничто не могло испортить моего прекрасного настроения. Еще одно усилие – и Ирина встретит меня в сияющем тепле их роскошной гостиной, предложит горячего чаю...

Массивные ворота особняка были заперты. Я долго и безуспешно давила кнопку звонка. Потом колотила кольцами, торчащими из разинутых львиных пастей (а чем же еще украшать свои ворота Льву?). Потом отчаянно пинала холодное железо, бродила вдоль забора... Коттедж Льва Таирова был отстроен с размахом и основательностью. Не обремененный глупыми архитектурными излишествами, особняк внушал мысль, что тут будет жить не одно поколение Таириовых. Кирпичный забор, по крайней мере, напоминал крепостную стену средневекового замка.

Не хватает рва с крокодилами.

Предлагаю свои услуги.

Тем более сейчас я не менее мокрая и зеленая, чем эти очаровательные существа. И уж гораздо более злая.

Через час я пустила корни прямо в жидкую грязь – как

рисовое зернышко. Через два часа уже воображала себя водорослью. Промокла вплоть до белья (сегодня я надела кружевной комплект цвета шампанского – утром он как нельзя лучше соответствовал моему радостному, искрящемуся настроению). А сейчас подошел бы черный кожаный лифчик и шорты, утыканные клепками. И хлыст. Как же я разозлилась! Метала молнии и стрелы, как Зевс!

По лбу и щекам текла вода, из носа – сопли, из глаз – слезы. Я целую неделю грезилa о нашем свидании с Анечкой! Купила плюшевого гиппопотама и отличную «Энциклопедию для девочек». Воображала, как мы, девочки, будем сидеть вдвоем на мягком диване в ее розовой комнате и читать вслух. Моя маленькая бусинка...

А ведь мама меня предупреждала!

Почему я никогда не прислушиваюсь к ее словам?

Ждать дальше не имело смысла. Стуча зубами от холода, вытирая мокрое лицо окоченевшей ладонью, я села в автобус. И когда мы выезжали на трассу, увидела огромный джип Льва Таирова – он заворачивал в поселок. Я с трудом подавила желание заорать водителю «Остановитесь!». Потому что вдруг увидела, как опять спрыгиваю с подножки в лужу, затем бегу за джипом, нелепо размахивая руками – мокрая, продрогшая, по колено обляпанная грязью, с отсыревшим гиппопотамом и распухшей от влажности книгой...

Жалкая, глупая дура.

Они опоздали на два часа! И Штирлиц потерял бы терпе-

ние.

Дома, переодеваясь в сухое, дымя сигаретой и наливая в пол-литровую кружку кофе, я не переставала думать о коварстве Ирины. Ну почему она так поступила? Ведь мой визит был спланирован заранее. Она прекрасно понимала – я стогаю от нетерпения, ожидая свидания с Аней. Но, очевидно, ее теперь совершенно не волнуют чувства подруги. Она так высоко взлетела – оттуда и в бинокль не разглядеть некую Юлю Б., без которой всего несколько месяцев назад она и шагу ступить не могла.

Мы были как сестры. Я заботилась и утешала Ирину с той самой поры, когда от нее ушел мужчина, обогативший симпатичным сперматозоидом ее плодородные недра. Но вот появился Лев Таиров – и мы перестали понимать друг друга. Ириша, словно сказочная героиня, вошла в зеркало и осталась на той стороне – в недоступном мире богатства и роскоши, там, где отсутствуют понятия «дорого» и «не по карману».

Она экономила на еде и одежде, фрукты в ее рационе присутствовали лишь в виде огрызков, оставленных ребенком, она штопала колготки и убеждала себя, что рис – это модно и диетично, а капуста – полезно. Теперь Ирина оставляет официанту в кофейне больше, чем я трачу за день. И ей не понять, почему я бешусь, когда подруга пытается оплатить мою половину счета.

Да, она долго страдала от унижительной бедности, и те-

перь у нее слетает крыша от бескрайних возможностей ее кредитки: Таиров пополняет Ирин банковский счет с щедростью восточного султана. Лев очарован Ириной и до сих пор не верит в удачу – ведь он держит в руках жар-птицу! (И маленькую синичку в придачу – вместе с Иришей ему досталась очаровашка, уже миновавшая памперсно-диатезный период. Как удачно!). Подруга призналась: Таиров мечтает удочерить Анечку, и она, мамаша, готова дать согласие. Но это же несправедливо! Лев удочерит Анечку! С какой стати?! Это в большей мере мой ребенок, чем его!

...Хватит плакать. Подспудно я всегда ждала подобного финала. Теперь надо попытаться жить отдельно от Анечки.

И я открыла ноутбук, решив работой заглушить боль, поселившуюся в сердце. Жаждала крепкой редакторской правки статья о выставочном комплексе «Гигант» (для «Удачных покупок»), а для развлечения я припасла пачку писем, поступивших в журнал «Стильная Леди» – милые читательницы журнала задавали вопросы психологу Ирине Жульбинской, кандидату психологических наук, сотруднику Центра оптимизации внутренних ресурсов.

Без ковыряния в сердечных ранах сейчас не обходится ни один приличный журнал. Моя подруга Жульбинская (я сама ее придумала) детально разбирает каждый случай и дает конкретные советы. Это выгодно отличает ее от других психологов, которые скорее съедят шарф, намазав его кетчупом, чем обогатят клиента дельной рекомендацией. «Вы сами должны

сделать выводы и принять решение!» – предупреждают они. А Ирина Жульбинская не церемонится – раздает советы направо и налево. Читательницы ее боготворят. Ах, если бы она и мне сумела помочь! Но нет, не тот случай...

Работа закончилась, не успев начаться: звонок Нонны Кратовой вырвал меня из мутной пелены слез, застилавшей экран ноутбука.

– Юля! – проорала она в трубку (Нонна всегда эффектна – появляется ли она перед глазами или просто звучит в телефоне). – Быстро подтягивайся к ресторану «Киото»! Я забронировала столик! Приеду через полчаса!

– Нонна, не хочу... – проныла я.

Оставьте меня в покое! Все!

Ну, пожалуйста!

– Мне нужно с тобой поговорить!

Нонне всегда обязательно «нужно со мной поговорить». Мы не можем наговориться с момента знакомства. Часто заказываем официанту штоф с водкой. Загадочным образом обнаруживаем себя у сцены, где исполняется мужской стриптиз. Бизнес-леди Нонна Кратова непредсказуема, и никогда не знаешь, каков будет финал вечера, начавшегося в жанре «деловая встреча».

Вот поэтому я не хотела идти в «Киото». Достаточно впечатлений!

Но Кратова прилипла как пиявка. Что ж, если б она не умела подчинять людей своей воле, то вряд ли бы стала тем,

кем стала.

– Юля, у меня информация, – многозначительно сообщила она.

– Ну куда я поеду?! На улице ливень!

– Какой ливень?!

Я подняла глаза – солнце било в окно, омытое дождем, стекла блестели, птицы щебетали. Похоже, пока я стенала, убитая горем, погодные условия кардинально изменились – опять лето!

– Давай пришлю за тобой водителя.

– Да не хочу я в ресторан!

– Я не буду заставлять тебя есть, – со вздохом пообещала Нонна. (Она преклоняется перед моим умением совершенно спокойно сидеть в непосредственной близости от яблочной шарлотки или пирожка с мясом и не делать никаких поползновений в сторону этих дивных деликатесов. У Нонны этот фокус не проходит! Не получается у нее.)

– Там разрешают курить, – выдвинула последний аргумент Кратова.

– Хмм...

– Ну, будь лапочкой! И потом... Это не мне надо, а тебе. Информация касается тебя лично.

– Так выкладывай, моя загадочная нимфа!

– Не по телефону. Через пятнадцать минут спускайся, машина подъедет...

Метрдотель проводил к столику, заказанному Нонной.

– А, это... – обрадовал напоследок водитель. – Нонна Марковна велела передать, что задержится на час. У нее там делегация какая-то нарисовалась.

Издавательство!

Заказала апельсиновый сок, вытащила из пачки сигарету. Официант подскочил с зажигалкой – а что, тут очень симпатично! В зале играла приглушенная музыка, скатерти были разрисованы иероглифами, сетчатые перегородки между столами украшены фонариками и веерами, на стенах – картины в духе Хиросиге. Стандартный дизайнерский набор для создания псевдояпонской атмосферы. А для африканского колорита обычно используют шкуры зебр, маски, фигурки носорогов и пробковые шлемы плантаторов.

Прямо у меня за спиной за полупрозрачной перегородкой разговаривали две подружки. Я обратила на них внимание, когда шла к столику, – две яркие мадемуазель. Сердце сдавила обида: теперь мы с Ириной никогда больше не будем коротать вечер за чашкой чая или бокалом вина. Все кончено. Прямо сейчас начинаю отвыкать от подружки и ее ребенка. Даже перестану отвечать на звонки бессовестной предательницы.

Первая же донесшаяся до меня фраза заставила вздрогнуть и оттопырить локаторы.

– Совсем не представляю, что делать с Арабовым! – горько пожаловалась блондинка. Если б не перегородка, спинки наших кресел соприкоснулись бы.

Поток мыслей, хлынувших по извилинам, был яростен – мне едва не разнесло череп.

Зачем ей что-то делать с моим Никитой?!

– Бросить его наконец-то?!

Я поперхнулась соком, задрожали пальцы. По спине по-мчались мурашки, они яростно галопировали, заставляя меня сжиматься от страха. Наверное, сейчас я услышу нечто ужасное.

– Ой, Лен, неужели решилась? Давно пора! Я всегда тебе говорила! Ты столько лет терпела его выходки, мирилась с его характером... – вступила в разговор брюнетка.

– Да, характер у него не сахар!

Какой бред! Мой Никита – ангел!

– И теперь все твои страдания – коту под хвост?

– Не знаю... Но я уже больше не могу... Он ведь переехал к ней жить.

– Лена! Правда?!!

– Вот так!

– Когда?

– Ну, где-то в начале сентября, не знаю точно. Променил меня на эту курицу, на эту бледную моль!

Да они же говорят обо мне!

Именно в мою квартиру переехал жить Никита!

Похоже, я мутант.

Попыталась представить, как выглядит помесь курицы с молью. Не получилось. А сердце отбивало в груди тахикар-

дическую чечетку.

– Впервые он так поступил, представляешь? Никогда еще ни к кому не переезжал. И к себе не звал. А к этой... этой уродине – переехал!

Блондинка всхлипнула.

Обычно я очень добра к людям. Но сейчас готова была воткнуть в грудь соперницы палочки для риса!

– Лен, неужели он серьезно надумал жениться?

– А вот надумал!

– Ну и тип!

– Как жестоко! Скажи, я это заслужила?

– Лен, ну конечно нет! Но я всегда тебе говорила – пока ты возишься с ним, ты теряешь шанс познакомиться с нормальным мужиком.

– В смысле? Он очень и очень нормален. Он такой классный.

– Но бесперспективный, Лен, бес-перс-пек-тивный! Сколько лет ты ждала от него предложения? Пять?

– В июле семь было, как мы познакомились.

– Ну, вот. И все эти годы ты надеялась. Прощала измены, ждала, верила. Сколько подружек параллельно с тобой у него было за семь лет?

– Перестань. Мне больно! Не хочу говорить об этом. – Конечно, больно. – Я надеялась, он оценит мою верность. Сравнит с другими и поймет – я лучшая! И потом – ведь я его люблю.

– Ну, Лен, ясное дело, любишь. Мужик-то шикарный. При деньгах. И внешность, и фигура – все при нем. Только вот ноги он о тебя вытирает.

– Да, вытирает.

– За семь лет, Лен, он превратил это в подобие спорта. Вытирать о тебя ноги – его спортивное увлечение.

– Ты жаба!

– А кто тебя ткнет мордой в правду? Сама ты – как слепой котенок!

– Но ведь как бы то ни было, мы уже семь лет вместе. И он всегда рядом.

– Ну, это удобно. Ты его вечный запасной аэродром. Только молодость ту-ту... А ты, Лен, вместо того чтобы семью создать и ребенка родить, тратишь силы и эмоции на негодяя.

– Но он так хорош! Во всем! Так обаятелен! Добрый, милый, щедрый. Только жениться собирается не на мне. Ненавижу!

– Вот это верно. Но все равно встречаетесь каждую среду?

– Да, как обычно.

– Живешь по графику. Как ему удобно.

– Среда – наш день.

О боже!

Каждую среду Никита надолго уходит в спортклуб...

Так вот какой у него там тренер!

Тренер-блондинка!

– Бросай, Лен!

– Да, я на грани... И все равно... Не могу! Бросала миллиард раз. Но он приходил – и я всегда открывала дверь. Мне стоит услышать его голос, увидеть его – и все начинается сначала. Я поеду за ним на Чукотку, Камчатку, Аляску...

– На Аляску и я б согласилась – это ж в Америке. Потом можно в более теплый штат перебраться...

– Только б иметь возможность быть рядом с ним.

– Ты выдумала эту любовь. Это не любовь, а привычка. И страх перемен.

– А он умеет убеждать. Он превращается в ласкового мишку, когда в очередной раз уговаривает меня остаться. Заваливает подарками. И я всегда сдаюсь! Раз не отпускает, значит, я ему нужна?

– Эх, Ленка, Ленка...

– Он сказал, ему просто необходимо жениться!

– Здравсте, приехали! Ну, наглый!

– Понимаешь, у этой курицы влиятельные и богатые родители. А сейчас его бизнесу необходима поддержка. Это вынужденный брак.

Вот как?

Значит, моя Маргарита – причина всего?

О, да, она влиятельна и богата.

И уже без ума от потенциального зятя...

– Вынужденный брак, говоришь? Да, они всегда так говорят. Любит, мол, тебя, но жениться обязан на другой. Как же ему трудно, бедному!

– Издеваешься?

– Конечно. А что ты ее курицей-то называешь, Лен?

– А курица она и есть. Тупая и безголовая. Видела ее на одной презентации. Сплошная серость. Слюни пускает от счастья, что ей такой обалденный мужик достался. Салаты ему готовит, рубашечки гладит. У-у, дура!

Я не готовлю салаты!

Я их покупаю!

Рубашечки... Да, глажу. Блин!

– Лен, нам пора. Пойдем, несчастная. Мы, девушки, всегда сами виноваты в своих бедах – мужик ли бросил, колготки ли порвались. Чья сегодня очередь платить? – Давай я заплачу... Когда верная любовница Никиты проходила мимо столика, я попыталась спрятаться за бокалом сока и, как сумела, прикрылась салфеткой. Она даже не посмотрела в мою сторону. А я, как жалом, впилась в нее взглядом. Блондинка в красном платье была бесподобна. Очаровательное, расстроенное личико. Что за фигура! Какие линии! Ее бюста с лихвой хватило бы на два моих! Узкая прямая спина, тонкая талия! С какой божественной грацией она преодолела десять метров до выхода из зала – словно шла по миланскому подиуму под вспышками фотокамер!

Я и в подметки ей не гожусь!

Так. Надо серьезно задуматься о пластической операции. Силиконовые имплантанты в грудь, бедра, попу, губы, щеки...

Дрожащими пальцами нервно нашарила сигарету. Это все, что у меня осталось. Последняя радость, последнее утешение.

Да, если честно, я никогда не считала себя достойной Никиты. Удивлялась – каким образом в мое распоряжение поступил такой уникальный экземпляр? Я смотрела на Никиту и думала: он слишком хорош, и эта сказка обязательно скоро кончится... Искала в друге недостатки, помешавшие ему стать добычей другой, гораздо более яркой и выразительной девицы. Не нашла их!

И вот наконец получила объяснение. Все стало на свои места. Я просто являюсь для Никиты проводником к сияющему олимпу, где обитает Маргарита Эдуардовна, моя мама. Я – выгодная невеста. Кто бы мог подумать...

Ах, бедный мальчик! Он опоздал. У мамы уже нет «Гелиоса», хотя она и сохранила связи в финансовом мире... Но самое главное – ее любовь к дочери не настолько самоотверженна, чтобы как-то способствовать карьерному взлету зятя.

Хотя...

Внезапно я вспомнила наши обеды втроем. Зеленые глаза Марго сияли, и каждое слово Никиты априори вызывало у нее согласие. Точно так же она всегда разговаривала со старшим сыном, Сергеем – любое его замечание падало на пуховую перину маминого благожелательного внимания. Мои же слова обычно натываются на копыя и пики, выставленные Марго...

Выходит, парень не прогадал. Он сумел очаровать мамулю, а значит, все жертвы (в виде жестокой необходимости терпеть подле себя серую мышь и даже заниматься с ней сексом) оправданны.

Но я-то не собираюсь играть в эти игры!

Все кончено!

Сколько судьбоносных решений принесла мне эта суббота! Я резко поднялась из-за стола, готовая бежать в офис «Фросткома». И тут же села обратно, вспомнив, что сегодня Никиты нет в офисе. Схватила за телефон. Пусть разговор с Никитой будет тяжким, но лучше сразу все решить! Но через мгновение отодвинула мобильник в сторону: последнее дело – выяснять отношения по телефону...

Внезапно перед глазами возникла картина: Никита собирает вещи. Достает из шкафа костюмы, прячет в чемодан джинсы... Дверь закрывается, и я остаюсь одна... Опять одна... Не будет больше ужинов вдвоем и прогулок в обнимку. Не будет смешных эсэмэсок, звонков «ни о чем» и завистливых взглядов девиц. Не будет жарких и шумных ночей, вплотную приближающих соседей к мысли о необходимости звонить в службу спасения. Не будет ошеломляющего и острого ощущения счастья и наполненности, не будет цветов и подарков... Ничего не будет, останется только жгучая боль и космическая пустота в груди. Отчаяние, горечь, тоска...

И я обреку себя на это??!

Бедная Лена... Теперь я ее понимаю. Она моя соперница – и подруга по несчастью. Мы околдованы. Мы – тонкокрылые бабочки, запутавшиеся в паутине с золотыми нитями. Нам не выбраться из плена, потому что тюремщик – обаятельный альфонс, чьим обществом хочется наслаждаться вечно.

Я так его люблю...

Вскоре пришла Нонна и, внимательно всматриваясь в лицо подруги, добила несчастную:

– Только без паники. Не знала, говорить тебе или нет. Наконец решилась. На днях видела твоего кавалера. Он обнимал какую-то блондинку. Прямо на улице. Около магазина «Бриллиантовый рай». И довольно яростно, надо сказать, обнимал. Потом поцеловал ее в щечку, прыгнул в «Лексус» и уехал. Но только без паники! Я была обязана предупредить. Ампула обманутой дуручки – это не для тебя. Как ты себя чувствуешь? Нужен нитроглицерин? Нет? Мышьяку не предлагаю – это слишком радикально.

– Лучше гранату и автомат Калашникова, – вяло отреагировала я. – Пойду убью кого-нибудь.

– Мне всегда нравилась твоя активная жизненная позиция. Ты готова преодолевать обстоятельства.

– Ты что-то путаешь, Нонночка. Я – тополиный листик, плывущий по реке.

– Смотрю, на тебя действует атмосфера ресторана. Ты заговорила, как японский поэт. Но, Юлия! Возможно, твой друг найдет довольно внятные объяснения своему поступку.

– Даже и не сомневаюсь, – всхлипнула я. – Обязательно что-нибудь придумает!

Удавалось же Никите обманывать меня все это время! Значит, и прилюдные объятия с блондинкой он сумеет оправдать жестокой необходимостью.

– Ну не кисни, подруга! А давай-ка закажем водки?

Ну вот, началось! Сейчас категорически нельзя заказывать водку! Учитывая мое плачевное состояние, я не остаюсь, пока не напьюсь вдребадан. Потом, пьяные, мы начнем бродить по злачным местам. Нет, обязательно надо вернуться домой трезвой, чтобы посвятить ночь раздумьям. Нужно осмыслить произошедшее. Ведь завтра вернется Никита, и что мне с ним делать? Закатить истерику? Вывести его на чистую воду? Или упорно конспирироваться?

Да, верно. Я пока не буду принимать никаких решений. Затаюсь. Изобразю из себя Наблюдательный Совет ООН...

Короче, сегодня пить водку мы не будем.

Категорически!

Но как же гнусно!

– Ты любишь с перчиком? Я заказала бутылку.

– Никакой водки!!! Вообще-то я думала, у них только саке.

– Да нет. Тут все есть. Бутылочка нам будет в самый раз.

– Нонна, ты меня спаиваешь.

– Как ты вообще, а? Бедняжка. Что предпримешь? Будешь выяснять отношения?

Я грустно покачала головой. Сколько всего на меня навалилось.

– Ну почему так долго?! – укоризненно спросила я официанта. – Несите скорее! Где там наш заказ?..

В воскресенье Никита вернулся из командировки. Стоило мобилизовать все силы нервной системы, чтобы не выдать себя. Да, разведчика из меня бы не вышло – губы тряслись, глаза шурились.

А милый сердцеед, не подозревая о моем прозрении, обрушился на подругу с обычным энтузиазмом – мял, как медведь, азартно прижимал к груди, жадно вдыхал запах. Если он играл и притворялся, то весьма недурно. Мне даже показалось на мгновение, что разговор, услышанный в ресторане, – сон, мираж, загадочный выверт сознания! Ничего не было, а Никита – прежний. Мой любимый, мой ангел...

Успешно обслуживающий оба фронта.

– Малыш, я привез тебе подарок!

Никита вытащил из сумки шикарное пончо.

Зачем?! Зачем привозить мне подарок?

Зачем изображать влюбленного?

Я все знаю!

Как жить с моим новым знанием? Как увязать факты с действительностью, пропитанной его улыбками и нежными прикосновениями? Понятно, почему Елена уже целых семь лет не может решиться на разрыв – не просто уйти от идеального мужчины.

Глава 6

Новые неприятности

Телефонный звонок оторвал от ноутбука – я резво строила статью для «Стильной Леди». Уже смастерила с десятков абзацев, обильно сдобрила текст яркими примерами, украсила цветистыми метафорами.

Несмотря на глубокую личную трагедию (утрата любимого), работалось хорошо. Помогал стратегический запас табачных изделий, хитроумно спрятанный от Никиты. Этот товарищ ввел в привычку экспроприировать все пачки, попадающиеся ему на глаза. Нет, он не пытается таким образом сэкономить на покупке сигарет для себя лично. Просто желание отучить сожительницу от курения превратилось у него в манию. Подбадриваемый потенциальной тещей, Никита развернул настоящую войну с моей вредной привычкой. Даже – в качестве положительного примера – сократил количество сигарет, выкуриваемых им за неделю. Я столько выкуриваю за два часа работы!

– И почему я тебя терплю?! – возмущенно кричит Никита, вновь и вновь вырывая у меня изо рта сигарету. Я цепляюсь за драгоценность зубами, мычу, мотаю головой. – Какой вредный заморыш! Отдай, отдай! Сколько тебе нужно никотина?!

Итак, телефонный звонок. Это Марго.

– Привет, Юля. Я договорилась о собеседовании в «Технобанке». Сегодня в три, – без долгих предисловий сообщила она.

– Вот здорово! – искренне порадовалась я за мамулю. – «Технобанк» – это круто. Кем тебя берут?

Длительная пауза в трубке дала понять: я опять ляпнула глупость.

– Меня – берут? – с непередаваемым сарказмом переспросила Марго. – Хмм... Я договорилась о собеседовании для тебя. Им нужен сотрудник в пресс-службу.

– Но, мама! Я не хочу работать в «Технобанке»!

– Ты – дура, Юля!

Кто бы сомневался!

– Это крупный банк с отличными перспективами. Ты будешь зарабатывать в пять раз больше, чем имеешь сейчас. Через год возглавишь пресс-службу.

– В пять раз?

– Хорошо, в три. Два с половиной.

– Нет, мам... Работа в банке – это не для меня! Я люблю «Удачные покупки», люблю брать интервью, знакомиться с новыми людьми.

– И проводить ночи в клубах.

– Нет, ну это мне как раз не...

– В три часа. Не вздумай опаздывать! Хотя собеседование – простая формальность. Конечно же, они тебя возьмут.

Оденься поприличнее, а не как обычно.

– Мама, я вовсе не хочу идти в этот...

– Джинсы спрячь подальше. Надень деловой костюм, туфли на высоком каблуке.

– У меня нет делового костюма! И я не успею помыть голову!

– В твоём возрасте пора уже научиться решать хотя бы самые элементарные задачи. Выкручивайся! Все, до свидания.

Вот так Марго распоряжается дочерью. Словно все еще водит за ручку в садик. А мне, между прочим, уже двадцать девять!

Как отвратительно – из-за дурацкого «Технобанка» придется бросить статью и заняться прической. А потом долго и тупо паяться на три пары джинсов и две водолазки, прикидывая, как бы скомпоновать их в деловой костюм...

В начале третьего, отчистив белое пятно загадочной этимологии с черной юбки, погладив Иришину блузку (когда-то забыла отдать, а теперь и вовсе прикарманю – Ира богатенькая, новую купит), я попыталась придать бодрый вид шевелюре. Одновременно не прекращала изрыгать бурные проклятия в адрес «Технобанка». Зачем они вообще существуют, эти банки, развелось их, как тараканов в общежитии!

Кому-то покажется странным поведение девицы, которой на фарфоровом блюдечке преподнесли перспективную и высокооплачиваемую должность. А она, дура, недовольна!

Да, недовольна! Не-до-воль-на! Ведь я отлично представ-

ляю себе офисную каторгу в заведениях подобного рода: работа от звонка до звонка, фальшивые улыбки коллег-конкурентов, постоянное соперничество, тошнотворная корпоративность во всех ее проявлениях, пресмыкание перед начальством – ах, та-а-кую зарплату надо отрабатывать! А еще необходимо выглядеть дорого – ты лицо крутой фирмы, изволь соответствовать.

А я вчера завалилась в родную редакцию в свитере наизнанку (спала всего три часа и была слегка неадекватна) – и никто даже слова не сказал. Все подумали – так надо. Только биг босс Степан Данилович, задумчиво обнимая меня за плечи, попытался выдернуть пару ниточек. Решил, случайно прицепились. И похвалил за интервью с владельцем пивоварни. И подарил антиникотиновую жвачку пятого поколения – от нее желание курить якобы бесповоротно атрофируется после первой же упаковки. Вместе с языком и деснами...

В общем, я сильно сомневаюсь, что директор «Технобанка» будет обниматься со мной при каждом удобном случае. И вряд ли в этом учреждении царит такая же приятная, домашняя атмосфера, как в нашей редакции. Уж нас-то не надо в принудительном порядке загонять в боулинг в целях укрепления корпоративного духа и мучить тренингами, чтобы мы ощутили себя командой. Степан Данилович на прошлый Новый год был зайчиком-энерджайзером, а главбух Елизавета Витальевна – Красной Шапочкой. Думаю, подоб-

ная самоидентификация начальства дорогого стоит. Мы все дружим. И поэтому я ценю свою работу и держусь за нее. Но Марго не понять, чем объясняется моя преданность «Удачным покупателям»...

Я почти вышла из дома, как вновь раздался звонок.

Пользуюсь популярностью в народе.

– Юлия Андреевна? Здравствуйте, – прозвучал в трубке интересный мужской голос. – С вами говорит следователь прокуратуры Нелюбин Анатолий Кириллович.

– ?!!

– Встретиться бы.

– А зачем? – с подозрением спросила я. Неужели у него пропадают два билета на концерт Розенбаума?

– Поговорить о ваших отношениях с Кумраевым.

О моих отношениях с Кумраевым...

Сердце провалилось в глубокую пропасть. Оно падало долго, цепляясь по пути за разнообразные внутренние органы и заставляя их сжиматься от липкого ужаса.

– Подъезжайте сейчас в прокуратуру, – мягко посоветовал Нелюбин. – Кабинет двести восемь. Я вам выписал пропуск. – Нет! – рывкнула я в трубку. – Сейчас – никак! Понимаете, я уже стояла на пороге, когда вы позвонили. Иду на собеседование в «Технобанк» и...

Не надо было брать трубку!

Проклятье!!!

– Безумно рад за вас, Юлия Андреевна, но обстоятельства

таковы, что побеседовать нам необходимо безотлагательно. Двести восьмой кабинет.

– Анатолий Кириллович! – взмолилась я. – Об этом собеседовании договорилась моя мама, и она сделает из меня суфле, если к трем часам я не подъеду в банк!

– Юля! – рявкнул Нелюбин. – Ваша мама расстроится еще больше, если из-за вашей несговорчивости у вас возникнут проблемы с правоохранительными органами. Все! До скорого свидания!

На что он намекает?

Кумраев... Как же он меня достал!

По дороге в прокуратуру я вспоминала эту среду – день, когда Аслану Кумраеву вздумалось сделать сальто-мортале, и в результате неудачного приземления он навсегда избавил нас от своего общества.

А для меня среда была окрашена в багровые тона ревности. Именно по средам Никита навещал блондинку Елену, любовницу семилетней выдержки. Наверное, она – как отличный коньяк. От этой девушки невозможно оторваться...

Зато живет Никита в моей квартире!

И салатами его кормлю я!

Вот!

Обида вкупе с растерянностью заставили действовать. Да, я была растеряна, ведь никак не удавалось сопоставить поведение Никиты с полученной информацией. С нелюбимыми женщинами *так* не обращаются! На них не смотрят *такими*

глазами!..

Достала из шкафа сиреневый тренч от Блюберри, очки и парик. Вообще-то, в таком виде я собиралась произвести фурор среди знакомых (в том числе взволновать Никиту). Но пришлось использовать эффектный наряд в других целях – для маскировки. Никита никогда не узнал бы меня в роскошной черноволосой девице, одетой в яркий плащ...

– Сегодня идешь в спортклуб? – с замиранием сердца спросила я моего непонятного возлюбленного.

– Обязательно, малыш. Ты ведь не хочешь, чтобы я зарос жиром?

– Нет...

– В четыре?

– Как обычно. Надеюсь, планы не изменятся. А ты? Не хочешь тоже попробовать?

О, как смело он блефует!

А если соглашусь?

Конечно же, не соглашусь. Никита прекрасно знает – если сегодня ему удастся загнать меня в спортзал, то завтра нефтяные монополисты объявят о тотальном обвале цен на бензин! Это два одинаково нереальных события!

– Впрочем, не стоит. Боюсь, малышка, ты оставишь на тренажерах последние килограммы. А мне и так их не хватает!

Вот, дал задний ход!..

Слежка! Волнующий атрибут шпионского романа. Но для

обманутой женщины – унизительная и подлая процедура. Не хочется опускаться до подобного, но ревность копьем подгоняет в спину. И в три часа дня, заехав по дороге в офис Аслана Кумраева (забрала рекламный буклет, необходимый для очередной статьи), я занимаю наблюдательный пост напротив фирмы «Фростком»... АО «Фростком» – крупный игрок на рынке замороженных продуктов. Никита Арабов – второе лицо в компании, зам по развитию, акционер. Правда, когда мы с ним познакомились, я по ошибке приняла его за другого Никиту – Мельника, владельца «Фросткома».

Мысли о крупном бизнесе, принадлежащем другу, сладко грели сердце. Как ни велика любовь, но девице всегда приятно знать, что избранник прилично обеспечен. Упрекайте в корысти и алчности, мы, девочки, не виноваты! В нашем подсознании бушует архетип, уходящий корнями в кайнозойскую эру: женщина, хранительница очага, должна быть уверена – ее мужчина обязательно притащит мамонта и дети не останутся голодными... Но с другой стороны – никакое богатство не заставит полюбить человека вредного и подлого...

Впрочем, юноша очаровал меня мгновенно, и затем, разобравшись в путанице с двумя Никитами, я не особенно горевала из-за утраченных миллионов. Контрольный пакет акций «Фросткома» принадлежал отнюдь не Никите Арабову. Ну и ладно!

...Целый час я просидела на скамейке на противополож-

ной стороне улицы. Контролировала парковку около входа в сверкающий синим стеклом офис. Автомобиль Никиты преданно ждал хозяина, мой друг не появлялся. Неужели решил сегодня оставить блондинку без десерта?

Около пяти часов мое терпение почти лопнуло. Я успела намотать несколько километров вокруг скамейки, сто пятьдесят раз пересчитала этажи синего небоскреба, выучила номера маршруток, курсирующих по этой улице, сгрызла два ногтя (родных, не акриловых – думаю, акриловые несъедобны), тысячу раз полюбовалась своим отражением в витринах... И вот наконец из здания вышел Никита. Не прекращая оживленной беседы, он усадил в «Лексус» трех господ иноземного вида и стал выезжать с парковки.

Я метнулась к дороге и, суматошно взмахивая руками, тут же остановила машину.

– Пожалуйста, быстрее, быстрее! Вот за тем черным «Лексусом»! Там мой муж, и он едет к любовнице! – бесхитростно выложила я водителю.

Наверное, следовало бы придумать другое объяснение, но таксист удовлетворился и этим. Он близко к сердцу воспринял горе обманутой женщины и буквально приклеился к Никитину автомобилю.

Через десять минут «Лексус» остановился у ресторана «Сибирские пельмени».

– Что-то их много, – задумчиво сказал шофер, наблюдая, как чрево «Лексуса» одного за другим исторгает бизнесме-

нов. – И любовница наверняка не в ресторане живет?

– Да. Какая-то неувязка, – пробормотала я.

– Будем ждать? Или я поеду?..

Опять прилепилась к скамейке, теперь напротив входа в ресторан. Сидеть в засаде, между прочим, очень нудное занятие! Ожидать прихода любовника – тоже. Блондинка Елена наверняка уже покрылась нервными пятнами, а сверху – пылью, не в силах понять, куда запропастился Никита. Пусть помучается, выдра!

А Никита два часа провел в «Сибирских пельменях», потом отвез иностранцев в гостиницу (я снова ехала следом на пойманном авто) и, развернувшись на светофоре, помчался в сторону дома. Моего дома!

Он ехал к нам!

Значит, любовница отменяется?!

Пришлось звонить Никите на мобильный и просить его завернуть в аптеку. Иначе я не успела бы первой прошмыгнуть в квартиру, снять парик, очки, плащ. И тогда в каком наряде шпионить за любимым в следующую среду?..

Все эти воспоминания нахлынули по дороге в прокуратуру. А яркий солнечный день, пропитанный терпким запахом увядающей листвы, никак не гармонировал с мрачными мыслями – об измене Никиты, о гибели Кумраева, о... О боже! Мама меня убьет! Собеседование в «Технобанке» накрылось зеленой панамкой. «Да, Маргарита Эдуардовна, мы прождали вашу дочь Юлию целых сорок минут... Она поче-

му-то не пришла...»

Но у меня уважительная причина!

Вряд ли было бы уместно сообщать руководству «Технобанка» о визите в прокуратуру. Они сразу бы решили, что едва не приняли в штат уголовницу...

– Юлия Андреевна? – окликнул на крыльце все тот же интересный мужской баритон.

Я обернулась.

– Нелюбин, – представился мужчина. Он тоже поднимался по широким каменным ступеням.

Следователю было в районе сорока. Он выглядел импозантно. Я совершенно иначе представляла себе работника прокуратуры, сообразуясь с типажам, выведенными в детективных ТВ-сериалах. Из-под распахнутого светлого плаща выглядывал отличный костюм, кожаные туфли жирно лоснились на солнце. Портфель наверняка обошелся ему в целое состояние. «А неплохо у нас зарабатывают следователи», – сделала я вывод, разглядывая Нелюбина.

Он, в свою очередь, разглядывал меня, и вряд ли его визави излучала такое же сияние ухоженности, как он сам. Представила, как утром он двигает вешалки в стенном шкафу, выбирая костюм. Наверное, у него их пять. Или пятнадцать! А мне пришлось отпаривать единственную черную юбку. И это не вопрос денег, это вопрос отношения к себе. Почему он, следователь, заваленный делами, как Чукотка снегом, находит время себя лелеять, а я – вольная птица – постоянно в

дыму и угаре, с обглоданными ногтями и лохматой головой? Почему он...

– Юлия Андреевна, ау! – донесся откуда-то сбоку баритон Нелюбина.

– Здравствуйте, – брякнула я.

– О чем задумались?

– Э-э... Ну... Приятно познакомиться!

Следователь усмехнулся. Его симпатичное лицо ужасно мне не понравилось. Все портил взгляд – умный и пронизательный. Хорошо, когда это взгляд друга. Но если *так* на тебя смотрит следователь, или профессор, принимающий экзамен, или свекровь – дело худо. Мои глаза невольно всякий раз убегали в сторону, я словно заранее признавалась в какой-то вине...

– А не желаете прогуляться?

– До Магадана? – срывающимся от ужаса голосом спросила я.

– Значительно ближе, – улыбнулся Анатолий Кириллович и махнул рукой в сторону золотисто-оранжевой тополиной аллеи.

– Ага, ну... мм... Давайте!

(Да, я красноречива. Уж этого у меня не отнять!)

Мы шли по чудесной аллее, листья шуршали под ногами, солнце пригревало. По просьбе Нелюбина я живописала наши трепетные отношения с владельцем салонов «Таунхауз».

– Аслан был самым крупным клиентом «Удачных поку-

пок». Он постоянно заказывал статьи, баннеры, рекламные фотографии.

– Вы тесно общались?

– Естественно. Почему-то я была его любимым автором.

– Почему?

– А хре... Ах, ну это... Видите ли, я неплохой журналист. Владею словом. Кумраев заказал одну статью. Потом вторую, третью... Наверное, его полностью удовлетворяло качество моей работы.

– Понятно. Вам хорошо за это платили?

– Очень, – не удержалась я от вздоха.

Мне очень хорошо платили! Теперь кормушка прикрыта. – У вас твердый гонорар за статью?

– Нет, я получала проценты от сумм, перечисленных Кумраевым. Он был щедрым – не жалел денег на рекламу.

– И вы никогда не конфликтовали с ним?

– Да с какой стати? – искренне удивилась я.

Действительно, зачем нам это? Какие конфликты? Мы с Кумраевым всегда улыбались друг другу...

Он не переставал улыбаться, требуя в десятый раз исправить текст. Я с улыбкой принимала обратно пачку исчерканных вдоль и поперек страниц. Он звонил в двенадцать ночи и ласково просил подъехать. Нет, нет, никакого интима – просто ему в голову пришла классная идея насчет очередной рекламной статьи и требовалось уточнить детали. Я, очаровательно улыбаясь, тащилась в темноте на другой конец горо-

да. Он, скаля голливудские клыки, на глазах у всей редакции мягко выговаривал мне за недостаточное усердие. Я, глядя на него с нежностью, обещала исправиться...

— А как вы провели эту злополучную среду, Юля? Где находились в районе трех часов дня? Чем занимались?

О, чем я занималась! Я выслеживала любимого! Пыталась лично удостовериться в его неверности. Но потерпела фиаско. Пока. Вечером Никита рассказал мне о французском концерне «Шато». Его представители нагрянули внезапно, и пришлось возиться с ними целый день. Французы вознамерились заключить с «Фросткомом» миллионный контракт. Естественно, ближайший месяц Никите придется усиленно нянчить дорогих гостей.

Обожаю французов!

Какие они милые!

Благодаря им Никита сегодня проигнорировал блондинистый «тренажер». Вероятно, и в следующую среду ему не удастся заглянуть в «спортклуб».

Очень сильно надеюсь на это!

Но не буду же я рассказывать Нелюбину, как сидела с биноклем на скамейке напротив «Фросткома», как металась, останавливая такси... Почему-то не хочется посвящать чужого человека в сложности нашей семейной жизни. Да я никому на свете не признаюсь, что превратилась в шпионку. Мне стыдно!

— Юлия Андреевна! Ау!

– Я вспоминаю, вспоминаю... Ну это... По магазинам гуляла. Ах! Я же ходила в кино!

– Да неужели? – усмехнулся Нелюбин.

– А что, нельзя сходить в кино? – обиделась я.

(Спрашивайте, спрашивайте! Уж киноафишу я выучила наизусть, пока околачивалась около Никитинового офиса! Да и сам кинотеатр находится неподалеку – в пятистах метрах. Отличное алиби!)

– Ну, и какой же фильм смотрели?

– «Продавщица». Там играют Клэр Дэйнс и Стив Мартин. Начало сеанса в четырнадцать сорок пять, – бодрой скороговоркой выпалила я.

– Понравилось?

– Довольно мило.

(Фильм смотрела летом на диске – естественно, это была пиратская копия. Мы в России обычно всегда на два-три месяца опережаем мир, который терпеливо дожидается выхода на экраны разрекламированной ленты.)

– Ясно. Но у меня-то другие сведения, Юлия Андреевна. В три вы приехали на стройку – встретиться с Асланом Кумраевым.

– Не была я ни на какой стройке, – фыркнула я раздраженно.

В среду – точно! Я сидела на скамейке напротив «Фросткома». Раньше, конечно, заезжала. Кумраев строил новый магазин и сам курировал строительство – словно в этом бы-

ла особая необходимость! Меня он пару раз тоже заставил приехать на стройку, хотел удивить масштабами. Я должна была упомянуть в статье о скором открытии грандиозного мебельного салона «Таунхауз». Измазалась в грязи, как поросенок, едва не погибла под бетонной плитой, летающей по воздуху, ободрала туфли о кирпичи! Как же благодарила я Кумраева за то, что ему не сидится в офисе или по крайней мере в салоне шикарного джипа. И я была права – чем закончились его визиты на стройку? Известно, чем!

– В половине третьего вы заехали в офис Аслана Кумраева и спросили у секретарши, где найти босса.

– Ну да. И что?

– Секретаршу удивил ваш вид. Вы выглядели так, словно не хотели быть узнанной – парик, черные очки.

Я действительно не хотела быть узнанной Никитой!

– Вот если бы вы надели этот парик, Анатолий Кириллович, то вашей секретарше стоило бы серьезно задуматься. А девушки довольно часто экспериментируют с внешностью.

– Да ради бога! Экспериментируйте! Но, выяснив, где сейчас Кумраев, вы отправились прямо на стройку. И там почему-то столкнули его в котлован.

– Какой бред! Никуда я его не сталкивала! И вообще с ним не встречалась в этот день!

– Но ведь вас видели, Юлия Андреевна! Когда вы стремительно бежали прочь от котлована.

– Глупости.

– Вот описание: стройная девушка, одетая в легкий плащ сиреневого цвета, с темными волосами, подстриженными в прическу под названием «каре», в больших черных очках а-ля Жаклин Кеннеди. Ну, я понял, что это за очки, представил себе... Вам ничего не напоминает такая картинка?

Конечно напоминает! Прямо из журнала «Vouge» – я оделась именно так, как следовало, и выглядела потрясающе. Но ни на какую стройку не ездила, а мирно сидела в засаде у офиса «Фросткома».

– Постойте! На стройку к Кумраеву мог приехать кто угодно! Подруга, знакомая, менеджер, журналистка из другого издания, повар, слесарь... Да если б ему захотелось – он и на стройке устроил бы кастинг! Вот, мол, смотрите, я занят настолько, что приходится работать прямо в полевых условиях.

– Кастинг?

– Отбор моделей для съемки рекламного клипа. Клип как раз планировали запустить в производство. Аслан любил обставлять свои действия с максимальной помпой, заставлял весь мир крутиться вокруг его персоны.

– Но секретарша сказала, что именно вы были одеты в сиреневый тренкот, парик и черные очки а-ля Жаклин Кеннеди.

– Конечно! Раз мы с ней встречались, почему бы ей не запомнить, как я была одета?

– Но это и есть описание девушки, встречавшейся с Кумраевым за минуту до его смерти, а затем стремительно бе-

жавшей с территории строительства!

– Ой, да бросьте, Анатолий Кириллович! Возможно, у той девицы и очки другие, и волосы натуральные, и плащ иного оттенка. Лиловый какой-нибудь, а не сиреневый! Ваш свидетель – кто он там – крановщик или прораб – так хорошо различает цвета?

– Крановщик или прораб? Хмм... Нет же! Вас видел дизайнер Кумраева, Глеб. Знаете такого? Кумраев вызвал его на стройку, обсудить какие-то вопросы. Глеб подъехал в три ноль пять, и девушка в сиреновом плаще промчалась буквально в пяти метрах от него.

– Ну, вот! – обрадовалась я. – Видите!

– Что?

– Ну, это... Мы с Глебом хорошо знакомы. Он бы так прямо и сказал – мимо меня дикой антилопой проскакала Юлия Бронникова, и она всегда бежит как ненормальная, сметая все на своем пути!

– Он не уверен. Ведь вы умело замаскировались, Юлия! Вряд ли Глеб видел вас раньше в этом образе. Но плащ застал его в душу. Такая стильная вещица, сказал он. Тренчкот от... как же... от Блюберри, вот. Из какой-то там коллекции... Блюберри, надо полагать, это известная марка?

– Да, – убито прошептала я.

– На плечах – погоны, на рукавах – паты. А что такое паты? Дизайнер даже сказал, что подкладка у этого плаща клетчатая. Знаменитая клетка Блюберри, заметил он. Уж не

знаю, какое-то особое сочетание полосок. Эти тренчи продавались в одном-единственном месте – в бутике Блюберри, расположенном в магазине «Шифоньер»... Вот сколько интересной информации я получил от Глеба. А вы где купили свой?

– Там и купила, – мрачно выдавила я. – В «Шифоньере».

– И подкладка у него в фирменную клеточку?

– Мммм... Да. Но не обвините же вы меня в убийстве Кумраева только потому, что в среду я надела на себя этот проклятый тренчок?!

– Еще парик и очки! Для чего вы попытались изменить внешность?

– Просто захотелось!

– Ну, ладно, разберемся. Скажите, вы сохранили билет?

– Какой билет?

– Из кинотеатра. – Нелюбин посмотрел на меня с жалостью. – Из кинотеатра билетик. На сеанс в два сорок пять.

– А это... Да нет же! Я ведь не знала, что Кумраеву приспичит нырнуть в котлован, а какая-то дамочка копирует мой образ.

– Эта дамочка должна была очень точно все рассчитать, раз решила вас подставить.

– Меня – подставить?!

– Ну, если не вы уронили Кумраева в яму, а некая мифическая дама, то она явно попыталась свалить вину именно на вас. Ведь одета она была совершенно идентично... Ладно,

Юлия Андреевна, я еще вам позвоню...

О, проклятие total look!

Две женщины вознамерились последовать рекомендации модного журнала! Но одна из них караулила возлюбленного напротив офиса, а другая в это время расправлялась на стройке с Асланом Кумраевым.

Я была первой из этих двух дам.

Но кто же тогда вторая?!!

Глава 7

Кругом виновата! Ой-ё!

Теперь я знаю, как чувствует себя:

- 1) конкистадор, радостно скальпируемый индейцем;
- 2) бабочка с оторванными крылышками;
- 3) яичница.

Имела нелицеприятный разговор с мамой. Можно подумать, здание «Технобанка» превратилось в руины, а его сотрудники пали жертвой сибирской язвы из-за того, что коварная Юлия Бронникова не явилась на собеседование!

Едва разжимая губы, тихим, но звенящим от злости голосом мамуля выплевывала мне в лицо одно за другим обидные слова. Комната наполнилась едкой пеленой отвращения, оно конденсировалось на стенах и сползало вниз ядовито-зелеными каплями. Становилось трудно дышать. Воздух, пропитанный презрением, колыхался, словно студень... На десятой минуте моральной экзекуции я четко осознала факт: жизнь не удалась. Всё зря.

Но Марго права. Я ужасно ее подвела! И теперь пытаюсь сдаться на милость победителя, жалобно попискиваю, опускаю взгляд. Но Марго не берет пленных – она растирает их в порошок.

– В каком свете ты меня выставила! – продолжает буше-

вать маман. – Я попросила знакомых об одолжении, они согласились взять тебя на работу, а ты!

– Мам, понимаешь...

– Я разрекламировала тебя, представила как блестящего журналиста, ответственного работника!

– О, спасибо, это...

– А ты даже не соизволила явиться на интервью! Ты думаешь, мне легко было просить об услуге? Я пропихнула доченьку в банк, о таком месте и зарплате другие мечтают годами! Директор по персоналу показал мне тонны резюме! И всем отказали. Потому что я попросила взять мою дочь!

– Да зачем меня куда-то пропихивать?! – возмутилась я в конце концов. – Сама о себе позабочусь!

Лицо маман исказилось. Смесь гнева и отвращения сверкала в ее чудесных зеленых глазах. Я запаниковала – вдруг почудилось, что сейчас Марго схватит со стола мою голубую тунисскую вазу и расколошматит ее о череп строптивой дочурки.

А мой череп мне дорог. Я им на жизнь зарабатываю!

– Мамочка, ну прости! Мне в последний момент позволили, и я... В три я была совершенно в другом месте!

– Юля, ты же не глупая! Встреча в «Технобанке» в сто раз важнее любых других обязательств. Неужели трудно сообразить?

– Я даже оделась, как ты сказала. Ну, не в джинсы! Юбка, каблуки... Еще немного, и я добралась бы до банка. Но мне

позвонили...

– Кто? Президент Америки с просьбой взять у него двух-часовое интервью? Или московский олигарх с предложением заказать рекламную статью в «Удачных покупках»? Или адвокат внезапно скончавшегося немецкого миллиардера с уверениями, что ты вписана в завещание?..

Ах, если бы!

– Кто настолько для тебя важен, раз ты решила наплевать на мою просьбу, заботу, чувства?

– Мама, я невероятно ценю твою за...

– Кто же это был? Куда ты поехала вместо «Технобанка»?

– Ну, я... Понимаешь, это...

– Впрочем, не важно! Важно другое – ты пренебрегла мной, ты поставила меня в ужасное положение. Ты даже не удосужилась позвонить! Хотя бы позвонить!

– Мама, я звонила тебе на оба телефона! Ты была вне зоны!

– Ах, ну конечно! Обычно так и говорят! Если б ты захотела – дозвонилась бы! Но ты наверняка струсилa, побоялась моей реакции и поэтому предпочла спустить все на тормозах. Мол, я звонила, но телефон не отвечал.

О, как она проницательна!

Трудно разговаривать с человеком, который читает тебя как открытую книгу.

– Не знаю, как нам дальше общаться и иметь друг с другом дело, – подвела черту мама.

– Ну, подожди!

– Ты меня чрезвычайно расстроила, Юля. И снова разочаровала!

Боюсь, расстройство и разочарование в данном случае являются эвфемизмами для описания чувств бешенства и ярости, испытываемых Марго.

– До свидания! Я ухожу!

– Мамочка, ну постой...

Марго ушла, хлопнув дверью.

Я, моя самооценка и настроение провалились на дно глубокого колодца. Внешний мир маячил далеко вверху в виде маленького голубого кружочка, а здесь царили мрак, холод и сырость. Скользкие ледяные стены не оставляли ни единого шанса выбраться наружу, да я и не пыталась. Напротив, решила копнуть поглубже, зарываясь в пахучий, гладкий ил отчаяния. Я дойду до самого дна, я буду с целеустремленностью отшельника-фанатика копать в собственных ранах – у меня их столько!

Конечно же, нельзя было говорить маме о вчерашнем разговоре со следователем Нелюбиным. Представляю ее реакцию! «Ну вот, твоих мозгов хватило ровно на то, чтобы опять вляпаться в историю!» – сказала бы она.

Надеюсь, Нелюбин вскоре разберется с сиреневыми тренчкотами и откажется от чудесной идеи повесить на меня смерть Кумраева. Иначе я окончательно запутаюсь во лжи.

Маме я не могу сказать про следователя, потому что ее

разочарование мной и так беспредельно. Никите я не могу сказать про следователя, потому что придется признаться ему в моих попытках шпионажа – а это, безусловно, будет означать крах наших отношений. Ирине я не могу сказать о следователе, потому что она мне больше не подруга. Но как же мне хотелось бы обсудить с ней этот вопрос и пожаловаться на судьбу! Как мне ее не хватает!

А Ирина даже не звонит. Ясно, она ведь не нуждается в общении с подругой: моя жизнь до предела заполнена неприятностями и недоразумениями, а ее – удовольствиями и шиком.

Я – неудачница.

Самая настоящая неудачница!

Как одинок человек! Пусть тебя окружают добрые и заботливые люди, пусть ты являешься гением общения – ты все равно одинок. В радостной возбужденной толпе, на шумной вечеринке – очень одинок; наедине с собственными проблемами – тем более; в четыре часа утра, когда уходит ночь и сереет небо, – особенно и невероятно!

И вот опять среда. На стройке меня уже не ждет Кумраев в надежде, что я столкну его в котлован. Но с сосредоточенным упорством китайской гимнастки я вновь напяливаю сиреневый тренчкот, очки, парик и отправляюсь в путь.

Пусть мне будет больно, но я получу неопровержимые доказательства верности или неверности Никиты. Метод домашнего мониторинга не дал результата – даже самый при-

дирчивый судья не усомнился бы в искренности чувств, испытываемых Никитой Арабовым к Юле Бронниковой.

Но чем нежнее со мной обращается милый, тем глубже я проваливаюсь в пропасть непонимания: до каких же границ дойдет его лицемерие? Или это вовсе не лицемерие, а беспринципная мужская всеядность? Серая мышка Юля, роскошная дива Елена – ему все подходит, все нравится, лишь бы сохранялся status quo!..

Нет, сегодня я точно узнаю, как связаны между собой понятия «тренажерный зал» и «поход налево» – являются ли для Никиты они синонимами...

Я вышла из прохладного сумрачного подъезда, и в лицо ударила лавина солнечного света. Сентябрьское солнце неистовствует, небо – ослепительно, а я – невероятно элегантна в своем наряде. Как он непривычен для меня и какие проблемы навлек на мою бедную голову! Я испытываю щемящую досаду – ведь именно сейчас я могу составить конкуренцию блондинке Елене, но Никита этого не видит.

Зато заметил кое-кто другой!

Из машины, въехавшей во двор практически одновременно с моим триумфальным появлением из подъезда, выбрался человек, встреча с которым стояла бы на первом месте в списке самых нежелательных событий этого дня. Следовательно Нелюбин!

Вот принесла нелегкая!

– Здравствуйте, Юля! – улыбнулся он. Подошел ко мне

вплотную и остановился рядом, бесцеремонно рассматривая – руки в карманах плаща, в уголке рта зажата зубочистка. – Это я удачно подъехал! И здорово, что вы решили надеть все это.

– Дрысь, – угрюмо поздоровалась я.

Анатолий Кириллович нагло отвернул полу моего тренчкота.

– Ну, вот – знаменитая клетка Блюберри. Теперь я знаю, как она выглядит.

– Очень за вас рада, – хмуро выдавила я. – Позвольте пройти. Тороплюсь.

Мне было необходимо срочно занять наблюдательный пост у фирмы «Фростком» – ведь любимый мог вот-вот отправиться в спортклуб. Но Анатолий Кириллович сделал удивленное лицо – словно договаривался о встрече со мной за две недели, а я, коварная, вдруг решила сбежать от него.

– Да что вы, Юлия Андреевна! Куда вы собрались?

– У меня дела.

– А я рассчитывал на вас. Давайте сейчас проедем в одно местечко неподалеку, в отделение милиции, там нас ждет Глеб Чашвили, дизайнер. Пр продемонстрируем ему вашу экипировку. Парик, очки... А знаете, без парика, в естественном, так сказать, виде вы гораздо милее.

– Не надо меня никому демонстрировать! – возмутилась я. – Какие глупости! Я бежать должна, мне некогда!

– Юлия Андреевна, – с металлом в голосе произнес Нелю-

бин, – не уверен, что отказ от сотрудничества – это наилучшая тактика поведения в вашей ситуации.

– А какая у меня ситуация? – испугалась я.

– Не очень благоприятная.

– Почему?!

На лице следователя отразилось искреннее недоумение. Очевидно, если он и предполагал, что мои мозги не запрограммированы природой для нобелевских открытий, то все же не ожидал столкнуться с такой откровенной тупостью.

– Как – почему?! Юля! Боюсь, наша следующая встреча состоится уже в следственном изоляторе.

О боже!

Неужели все так запущено?!

Разве за прошедшее время Нелюбин не пришел самостоятельно к выводу о моей непричастности к гибели Кумраева? Я понадеялась на его проницательность и здравый смысл – ведь достаточно пять минут пообщаться со мной, чтобы понять: убийцу бизнесмена надо искать в другом месте. Не здесь! Я и убийство так же несовместимы, как коктейль «Маргарита» и апокалипсис! Это несочетаемые понятия!

А Нелюбин общался со мной гораздо дольше пяти минут, я даже пропустила собеседование в чертовом «Технобанке»! И что же? Все еще подозревает меня? Неужели он настолько глуп?

– Короче, хватит препираться. Или сейчас вы едете со мной, или...

– Да никуда я с вами не поеду! – огрызнулась я, сжимаясь от страха перед этим многозначительным «или...». Оно таило в себе обещание жутких мучений, отсвечивало пламенем костра, разведенного инквизитором для жарки еретиков...

Но с какой стати я должна слушаться этого наглого типа? Он манипулирует невинной девушкой, пользуясь ее недостаточной информированностью! (Это я о себе, не надо судорожно оглядываться в поисках «невинной девушки».)

Через семь минут мы уже были в отделении милиции. Нелюбин ласково держал меня за плечо, словно предупреждая попытку бегства. Я успела ужаснуться нищете, царящей здесь, – полированная мебель семидесятых годов с обшарпанными углами, унылые стены, крашенные блестящей краской – как в общественных туалетах того же периода... Ну что ж, Россия всегда славилась особой виртуозностью в распределении богатств нации. Например, стоимости одного ноутбука, выставленного перед каждым министром на заседании кабинета, хватило бы для ремонта двух отделений милиции. Но куда ж тогда будут таращиться наши министры? (Интересно, какой текст сияет у них на мониторах? Наверное, там так и написано – для особо одаренных – «Идет заседание. Не расходиться! Не расходиться, кому сказано!». Все правильно, это наиболее удачное использование ноутбука с процессором последнего поколения и памятью в несколько гигабайт...) А одного «бумера», перевозящего драгоценные министерские или депутатские тела, хватило бы на де-

сяток сложнейших операций для детей с пороком сердца или некрозом почек – но что об этом говорить! Престиж страны не в том, заботится ли она о своих гражданах, а в том, достаточно ли полно удовлетворена страсть к красивым игрушкам у слуг народа...

Мы провели в отделении более двух часов. Я, словно сомнамбула, плавала в вязком тумане. Никак не удавалось поверить в реальность происходящего. Все эти люди, суровый Нелюбин, смущенный Глеб Чашвили – превратились в экранных персонажей, героев детективного фильма.

А в голове у меня разворачивался параллельный сюжет. Я видела, как Никита выходит из офиса «Фросткома». Он красив и стремителен, его глаза блестят – это особый блеск предвкушения, нетерпеливая радость зверя, уже ощутившего под когтями податливое тепло добычи. Никита садится в сверкающий «Лексус» и уезжает. Следующий кадр (крупно): обезображенное ликованием лицо блондинки Елены – она наконец дождалась любовника...

Проклятье!

А я здесь, в отделении милиции! Уже битых два часа сижу в кабинете и потею, как пингвин на экваторе. На лбу выступила испарина – голова в парике словно в презервативе, невыносимо жарко!

Ах, ну вот и дождалась!

Появились две брюнетки, одетые с претензией – очевидно, они пытались конкурировать с моим лучезарным ими-

джем. Бедняжки и не догадывались, что он сформирован не продавцом китайской барахолки, а дизайнерами Блюберри, а это крутые парни, между прочим. Брюнетки были облачены в аляповатые плащи – у одной синий, у другой фиолетовый – и черные очки. Девицы уселись по обе стороны от меня, и, как я поняла, началась процедура опознания.

Дизайнер Глеб – раньше мы с ним постоянно пересекались в пространстве и времени и обсуждали личность нашего общего деспота (Кумраева) – сразу же указал в мою сторону. Не ожидала от него такой подлости! Я почему-то не сомневалась, что именно сейчас конфликт разрешится. Глеб воскликнет: «Ой, ну что вы! Нет, нет, нет!» – и красиво заломит руки, как драматическая актриса (он юноша утонченный, эмоциональный). И меня тут же отпустят на волю, очистив от шелухи несправедливых подозрений.

Но Глеб кивнул, виновато потупив взгляд, и я услышала лязг железной двери, тяжело захлопнувшейся за мной – эхо разнеслось по пустому коридору каземата. Нет, это дурной сон...

Что вообще происходит?!

Сейчас я должна быть совершенно в другом месте! Отпустите меня отсюда.

– Да уж, – патетично вздохнул Нелюбин.

Мы остались одни в кабинете. Я тут же стянула тренч и парик, сняла очки – лицо наверняка блестело от пота. Но о том, достаточно ли привлекателен сейчас мой вид, я думала

меньше всего.

Нелюбин взял плащ со стула, развернул – с изнанки под воротником красовался лейбл – BLUEBERRY. Расшитые золотом буквы на бежевом фоне. Почти единственная фирменная вещь в моем гардеробе. Будь она неладна!

– Беру с вас подписку о невыезде, Юля.

Я встревоженно шарила взглядом по непроницаемому лицу Анатолия Кирилловича, словно пытаюсь разгадать, какова моя дальнейшая участь. Союзник он мне или противник? Поможет ли выбраться из ужасной, но нелепой ситуации? Или будет топить как котенка и использует в качестве вешалки для всех криминальных трупов, обнаруженных в федеральном округе за последние три месяца? Наверное, второй вариант. Уж больно яростно вцепился Нелюбин в версию о моей причастности к убийству – рычит, как доберман, мотает головой, рвет сиреневую ткань тренчкота.

Но меня не было на стройке в среду!

Я выслеживала бойфренда! Шпионила!

Тону, спасите!

Дрожащей рукой я заполнила какой-то бланк. Нелюбин посмотрел на мои каракули и удовлетворенно хмыкнул.

– Скажите, Юля, а вы ели что-нибудь в кинотеатре?

– В смысле? В каком кинотеатре? – заторможенно спросила я.

– Ну, там, попкорн, пиццу?

Не понимаю, о чем он говорит... Ах, да! Кинотеатр! Ведь

это мое алиби! В ту среду в 14.45 я смотрела фильм «Продавщица». Якобы. А Нелюбин, очевидно, решил меня подловить – и ведь зашел как-то сбоку, про еду спрашивает, а не про содержание фильма. Хитрый какой тип! Что же мне ответить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.